

18+

Ярослав Шумахер

Лента Мёбиуса

Социальная драма

Ярослав Шумахер

Лента Мёбиуса. Социальная драма

«Издательские решения»

Шумахер Я.

Лента Мёбиуса. Социальная драма / Я. Шумахер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596703-9

Сумасшедший роман-откровение посвящен Виктору Пелевину и легенде
Российского театра и кино, режиссеру и сценаристу Ренате Литвиновой.

ISBN 978-5-00-596703-9

© Шумахер Я.
© Издательские решения

Содержание

лента мёбиуса	6
клопы	8
будни	13
просфорыч	17
Просфорка №1	20
мары мир	21
февраль	24
записки сумасшедшего	26
стрижи	28
рыжая	29
память	30
муза фетра	31
Просфорка №2	34
плиты	39
кудри на подушке	44
мысхаку	48
марионель	53
лора	58
что нам мешает жить	62
память	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лента Мёбиуса Социальная драма

Ярослав Шумахер

© Ярослав Шумахер, 2023

ISBN 978-5-0059-6703-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

лента мёбиуса

Цадик поселился в Маленьком Страсбурге, как он любил называть этот район, в несколько домов на отшибе. Вернее, этот новый микрорайон у самого леса и озера с кучей лавок, парком и спортплощадками, район новый и малозаселённый, большинство домов пустовали, и не были заселены даже наполовину. Цадик любил некоторое уединение с недавних пор, жизнь его изменилась и приобрела неспешность, приобрела какой-то выверенный колорит, Цадик больше не гнался за заработками, не нагнетал жизненных задач. Поселился у леса, чтобы отдыхать, ходить, гулять, играть на любимых гармошках, порой медитировать; летом плавать и ходить за грибами. Лес он любил с детства, конечно, эти вот близлежащие леса не могли сравниться с теми лесами, в которых он привык пропадать, бывало, целыми днями в детстве, когда он выбирался с ведрами и пакетами. И мог собирать грибы целыми днями, выискивая места у подножий сопок и в низинах, где росли белые и жёлтые грузди. Север был сакральным для Цадика, был полон впечатлений и приключений, потому как это было его детство, далекое, однако, отнюдь не забытое. Цадик любил бродить целыми днями с ведрами наперевес, эта изматывающая подчас ходьба и лазание, и все же он находил редкое удовлетворение в усталости; бродил десятки вёрст за день и приходил домой с полными ведрами грибов. Грузди он относил бабке своей, которая их непременно солила, и они получались мягкие и смачные как сало!

Дед довольно рано ушёл из жизни, едва ему было 56 лет, и все же именно он пристрастил Цадика к походам за грибами. Впервые Цадик по серьёзному отправился в лес с ним, когда ему было всего семь лет. И лес был отнюдь ни близко, хотя и на тот период ещё не так освоен горожанами, не изрыт просеками и лесными дорогами; зимой там проходили лишь несколько лыжных трасс! Цадик просился с дедом в лес и раньше, но дед не брал его, и говорил, «вот исполнится семь лет, тогда возьму, а пока мал ещё». И вот Цадик ждал, когда ему исполнится семь лет, в детстве он много времени проводил у бабушки своей, часто они с братом оставались у неё на ночевки, особенно, когда мать уезжала на лыжные соревнования или за границу.

И вот Цадик исполнилось семь лет, и дед, как и обещал, взял его с собой в лес. И Цадик сильно устал в тот раз, однако держался бодро, дед был уже не так быстр, и все же грибы собирал довольно ловко, у него был там где-то, как водится свой огород, и он любил говорить, что его грибы никто не соберёт! Цадик же был ещё мал совсем, и все же проявлял интерес к этому занятию нешуточный, и также находил грибы, значительно меньше деда, Виссариона, конечно, и все же и ему попадались подберёзовики и красноголовики, так они называли подосиновики на севере. Белые грибы там не росли, как и опять, очень-очень редко попадались в особенно тёплый сезон, поэтому в основном собирали подосиновики и особо ценились грузди, белые и желтые осиновые.

Так вот, когда впервые Цадик увидел эту квартирку и хозяина, ему она очень понравилась, можно сказать, идеальное место для отдыха и чтения, для каких-то своих маленьких лесных радостей, Цадик любил лес, любил пошаманить, поговорить с духами, довольно быстро настраивал природный микроклимат, вещал на различных древних языках; и, в общем, ему по нутру пришлось это неприветливое местечко, потому как жизнь уже успела его сильно потрепать; изрядно покидать его, хотя и не столь быстро, как, например, тех, кто оказывался в районе боевых действий. И все же Цадик давно заподозрил что-то неладное с людьми, что-то странное и вымученное; он и сам много пострадал от родственников в том числе, от конкурентов по бизнесу; и все-то как-то несерьёзно и по-детски, однако все эти мелкие неприятности, и тычки в спину, сказались и на его некогда богатырском здоровье! Цадик не был, конечно, рохлей какой-нибудь, да, был очень вынослив, силен ещё и молод и в свои сорок два почти выглядел не больше чем на тридцать, а когда приводил себя в порядок и брился, ему нельзя

было дать даже двадцати семи! Это было удивительно в тридцать пять, когда на него западали двадцатилетние девчонки, однако и теперь внешне он не сильно изменился, хотя внутренне, конечно, претерпел много ударов, и ударов серьезных, ударов неудержимой судьбы злодейки? Цадик, поначалу хорохорился, и не верил в судьбу, он считал это нелепым. Вообще, ему жизнь своя казалась очень странным стечением обстоятельств; ввиду того, что она приобретала ценность вне его, а сам он лишь пытался выключиться из этого изнурительного процесса; и при помощи музыкальных увлечений, книг и порой спорта. Цадик от природы был, похоже, ещё и медиумом. В этом сложно разобраться, и Цадик осознал эту экзистенциальную опасность лишь годам к тридцати восьми, и это был такой мощный удар для него, осознать в православной стране такие редкие дарования, однако обо всем по порядку!

Цадику понравилось место это, и довольно уютная квартирка, и он намеревался поправить своё здоровье, пожить спокойно для себя, потому как его расход жизненных сил превысил допустимые нормы. И Цадик в определённый момент понял, что так нельзя себя тратить, по сути, на посторонних во многом ему людей, что им просто пользуются, что какого-то смысла в этом духовного совсем немного. И он решил уединиться, прежде всего, от ленивого и самодурного отца, с которым с детства у него были натянутые и очень непростые отношения, и потом уже от назойливых конкурентов, да, и родственников бывшей жены, и вот такая возможность ему подвернулась!

Цадик был впечатлительным и ответственным за людей близких во многом, и сильно от этого пострадал, как ему казалось; и собственно, в это трудное время его потрепали конкуренты, и даже больше, Цадик определенно, к сорока годам, нахлебался уже житья-бытья и Российской действительности, где приходилось искручиваться, что есть сил, чтобы выжить! Да, это претило его широкой натуре, все вот эти меркантильные маленькие интересы накопительные. Цадик привык много работать, он после женитьбы работал, наверное, лет пять без отпусков, без продыху; все пытался устроить жизнь, всех тянул; семью жены бестолковой, и делал это сноровисто, вымел сначала из города постепенно всех глашатаев иноверцев, и иногородних, Цадик один вёл дела, будто за ним крупная компания, и никому и в голову не приходило, что за ним никто не стоит по существу. Об этом знали только те немногие, которые с ним некогда начинали. Они-то впоследствии и подложили ему самую большую свинью, воспользовавшись многолетними его трудами и потугами, как им казалось. Сам Цадик вкалывал за семерых, Цадику это было сподручно, он брал работников, одних, других, и сам вкалывал и расплачивался со всеми, перебирая малых, и может, если бы не его исполинское здоровье, то это, пожалуй, было ему больше на пользу. Цадик, когда входил в раж, будто не замечал ни боли, ни усталости, и все же к делу подходил с головой, не было случая, чтобы он не рассчитал времени и сил, все спорилось – работа горела у него в руках! Однако это нравилось далеко не всем! Далеко не всем это нравилось, особенно тем, кто любил погреть руки на бедолагах, участвуя только ресурсами и капиталами.

Цадик был мягким с людьми, это ему и мешало вести дела с максимальным прибытком. Цадик хорошо платил людям, и это был своего рода минус, потому как другие выжимали из людей максимум и платили копейки; за это Цадика не любили, его не щадила та среда внешняя, которая живет и обогащается за счёт наёмного труда! Цадик им был как кость в горле, и это длилось на протяжении десяти лет. Цадик умудрялся водить полгорода за нос! Хотя и секрета особого не было; просто никто не мог выдержать такого темпа, однако когда-нибудь это должно было закончиться. И это закончилось, хотя во многом к этому приложили руку многие, опять же те многие-многие, безликие и отчуждённые, не заинтересованные в развитии бездуховные личности.

КЛОПЫ

Об этой проблеме Цадик не подозревал, однако эта экзистенциальная данность, похоже, была теперь второй его кожей. Хозяин умолчал о клопах, вернее, не обмолвился об этом ни словом. Цадик обнаружил средства от насекомых под раковиной сперва, но не обратил на них какого-то пристального внимания. И поначалу, первых два месяца, он вполне мирно жил, и наслаждался своим бытием. Цадик смотрел телек, ему так не хватало этого своего угла, потому как он жил некоторое время с отцом, и это было удручающе. Цадик совершенно отвык от него, и это, пожалуй, было самой его большой ошибкой переехать к родителям из города в село на время. Теперь Цадик выбирался на каток и на лыжах порой, благо стадион был рядом, смотрел телек и был свободен, насколько позволяли его жизненные обстоятельства.

И вот как-то ночью он ощутил какой-то зуд! Зуд был нестерпимый и довольно интенсивный. Цадик включил свет, встал с постели и обнаружил на простыне штук двадцать клопов, разного калибра. Цадик их передавил всех, ему было это в радость, он положил листок белой бумаги у стены к плинтусу, и с азартом давил клопов на листе бумаги. Пойманные клопы щёлкали и после них оставались кровавые кляксы, многие были уже сытые его кровью, некоторые нет, растекались лишь древесного цвета коньячной жижицей, Цадик отметил этот клоповый привкус коньячный; листок сразу покрылся кровавыми ссадинами, и Цадик на время внутренне успокоился, сразу вспомнил про средства от насекомых, затем, приглядевшись к косякам, увидел россыпи темных точек-гнид, это были отложения и яичные кладки! Цадик был довольно спокоен и терпелив, эта ночная кровавая баня его позабавила, и, глядя на листок, где растекались кляксы, будто художества Поллока, Цадик уверил себя, что это только начало, и он им ещё задаст!

И он действительно им задавал и задавал. Вскоре один листок совершенно белый некогда стал кровавым шедевром, и Цадика посетила мысль повесить это кровавое творение на стену, и вот мелькнула мысль в голове о новом реалистическом искусстве, белые девственные листки, хаотично покрытие кровавыми кляксами и кровавыми ошмётками насекомых; эти галереи насилия и превосходства человека разумного!

И Цадика клопы также не щадили, Цадик вскоре их зауважал уже по-настоящему! От кровавых полотен на стене он все же отказался, ввиду того, что развивая мысль, Цадик вернулся к реалиям.

Он вдруг припомнил одну девчонку, да, на озере летом, гуляли толпы молоденьких девчушек! И вот одна пара девчонок как-то проходя Цадику на встречу, на одну девчонку, черненькую и тонкую, Цадик давно обратил внимание. Такая гибкая высокая и с озорным ребяческим огоньком в глазах, так вот она, вдруг почти в шпагате задрала одну ногу выше головы. И потом, пританцовывая, они прошли мимо него! Цадик был сдержан, и самообладание его редкое качество его ни на миг не покидало! И все же его этот жест прожег до самых пяток. Он обернулся им вслед, и поймал улыбку черноволосой красотки. Она походила на нимфу с картин прерафаэлитов или дриаду, такие непринуждённые жесты и грация, и какой-то потаенный вызов. И Цадик вдруг подумал, а что если поиграть им на инструментах, прогуляться вдоль озера. Можно было даже преподать им кулинарные курсы, все же Цадик любил готовить. Ну, он все же занятный малый, и вроде как за гранью свободы пребывает. И вот тут его мысли столкнулись с клопами, и он понимал, что это война и ее кровавые следы, волдыри на его коже. И тем более вот эти картины на стене, пусть они трижды походят на полотна Поллока, но это все те же чертовы клопы! И девчонки будут в шоке, хотя вот их молодость, вряд ли их выдаст, однако Цадик решил продолжить их истреблять, и памятников культурных этой войны и кровавых следов не оставлять! Потому как это все же был сомнительный теперь для него момент напускной гордости!

Кто-то сказал Цадику, что их можно вытравить уксусной кислотой, прыскавая из шприца в места их гнёзд! И Цадик решил опробовать этот незатейливый и дешёвый метод. Он обзавёлся парой шприцов и купил пару бутылочек уксусной кислоты. Цадик довольно энергично подходил к решению задач, и это контрастное поведение его радовало! Он также купил химический порошок на основе карбофоса, и был во всеоружии.

Тогда впервые он занёс клопов своему отцу, он часто навещал его, помогал по хозяйству, делал покупки, мыл квартиру, отец был больной диабетом, и нервный в не меньшей степени. И ему было трудно управлять ещё с тетей-инвалидом, с Ириной. После смерти матери Цадик единственный из детей, кто находился поблизости и мог оказать ему помощь реальную! Это удручало Цадика, на самом деле, эта несправедливость, он посещал храм, навещал отца, и совершал этот стоический подвиг. А отец все равно, как ему казалось, недолюбливал его, видел в нем какого-то соперника; все пытался что-то доказать, как-то оправдать свою неудачливую жизнь. И Цадик сносил эти нападки, неявные претензии, и какие-то необоснованные укоры отца, в то время, как сестра и брат были вроде как в стороне и жили своими жизнями, получали поддержку от отца. А Цадик вынужден был разделять эту работу и не получал от этого никакого залога будущности, потому как отец будто взбеленился на него, за какие-то его минимальные успехи. И Цадик видел это, что он просто из зависти, из жадности какой-то им помыкает, пытается навязать какое-то своё несуразное видение. Цадик понял в какой-то момент, что это было напрасно, его помощь обернулась ловушкой для него, и отец теперь, воспользовавшись, случаем, обновить своё бытие, будет совать нос во все его дела, и не даст ему больше поднять головы. И печально было то, что и оставить его одного было нельзя, больного и оскотинившегося.

Так вот, Цадик, случайно занёс ему клопов на одежде своей, и отец обнаружил сначала укусы, а потом и самих маленьких тварей, к тому времени Цадик уже осознал, что клопы давно расплодились в квартире его съёмной. И отец взбесился, сначала не на шутку, и перепугался, Цадик же будто совершенно равнодушный предложил ему вызвать службу, потому как у отца они только проявились, и проблема не так велика! Цадик же теперь подозревал, что клопы не только у него, но и в других квартирах его нового местожительства, потому как это было бы странно, если бы они были только в его квартире! И более того, Цадик сразу предположил, что бес толку вызывать службу и тратить деньги! То есть, это поможет на время какое-то, и да, Цадик не мог выкроить эту сумму, вернее, он не желал оплачивать эти службы из принципа, вроде как он итак платил деньги хозяевам, а тут выяснилось, что оплачивает и жизнь клопов одновременно! Отец же был прямолинеен, он сразу вызвал службу, и приехал человек, в специальном комбинезоне, в маске, перчатках, и с баллонами за спиной как у водолаза, он при помощи аппарата со специальной трубкой распылил какой-то химический секрет и дал необходимые инструкции. Он объяснил, как действует препарат, и что в течение 14 дней клопы уйдут и не придут, потому как это очень сильная зараза, и действует в течение 14 дней, а минимальный пищевой цикл клопа семь дней! И таким образом, если клоп проголодается и решит вылезти из своего укрытия, он натолкнётся на заразу и погибнет, и более того, погибнут и другие клопы и его друзья, которые с ним будут иметь контакт после заражения. И собственно, так клопы и погибнут, либо впадут в длительный анабиоз; и что это совершенно точно проверено, единственное, он сказал, что желательно ещё просыпать плинтусы и розетки карбофосом на тот случай, чтобы клопы имели ещё меньше желания выползти из укрытий!

Хотя это было странно, считал Цадик, уж лучше бы они выползали тогда, заражались и умирали, чем где-то сидели и ждали конца атомной холодной войны. Цадик был горяч, эта горячность его порой подводила в том плане, что зачастую его психические реакции были гипер реактивными. Цадик мог вживаться даже в сообщество клопов и да, он почему-то не считал их истребление какой-то самоцелью, он просто хотел, чтобы они ушли и оставили его в покое, однако клопы продолжали его кусать и пить его кровь! Отец был менее терпелив, и что

интересно, это сработало, отец, скрупулёзно выполнил все инструкции человека в комбине-зоне, и клопы исчезли!

А Цадик для себя решил, что его проблема с клопами это часть какого-то зашифрованного послания. И, вроде как, это некая подкожная война, которая как ему казалось, побуждает его к активным действиям, синхронизирует его жизненные силы и циклы! Цадик порой оправдывал клопов в том плане, что он считал, это даже в каком-то роде полезным, если тебя кусают незаметно клопы. Ну, в общем, они высасывают плохую кровь из человека, в обычной жизни ведь человек не проливает кровь, и она не обновляется, а так клопы отсасывают плохую кровь, а печень вырабатывает новую свежую кровь и для организма это полезно.

И все же Цадик планомерно их истреблял, потому как клопы, будто начинали сходить с ума и кусали его неистово и многократно! Цадик их истреблял с душой, да, с широкой русской душой, размашисто и деликатно!

Таким образом, он решил испробовать уксусную кислоту! Он заправил десяти кубовый шприц кислотой, и опрыскал диван, и швы обоев, розетки и налил кислоты под плинтусы, и после этой процедуры, в воздухе комнаты повис какой-то кислый запах! Кислота испарялась медленно и наводняла запахом пространство комнаты! Цадик открывал окно и проветривал комнату!

И да, надо сказать, это смутило клопов, они попрятались в свои щели и практически не выползали, лишь изредка какой-нибудь вражеский лазутчик какими-то окольными путями пробирался и кусал Цадика, и уничтожался тогда на листке бумаге, оставляя кровавую метку! И Цадик был рад, что задал такую задачку клопам, от которой нет им спасения. Однако этой радости его пришёл неожиданный и очень фееричный конец!

Дело в том, что Цадик опять действовал импульсивно и несколько необдуманно. Он как-то в очередной раз заправил шприц и опрыскал наперво потолочные плинтусы и щели косяков дверных, и вот случайно маленькая капля кислоты попала ему в левый глаз, это была микроскопическая капля, и Цадик лишь проморгался и прослезился, и вроде бы все опять пошло нормально!

Но, вот он решил продезинфицировать кресло таким образом. Цадик распылял струйки кислоты по изгибам и углублениям кресла, а также на нижнюю часть, с той стороны, где крепились ножки! И вот он набрал целый шприц, чтобы обработать щели в подлокотниках, они были с деревянными накладками, и Цадик хотел именно залить кислотой эти зазоры, где крепится и соприкасается наличник деревянный с тканью! И тут произошло непредвиденное! А именно, шприц был полный уксусной кислоты, и поршень почему-то заклинило! Что-то мешало, и жидкость не выдавливалась, это было секундное замешательство, и Цадик лишь решил, да, моторика рук его была быстра, он просто с силой нажимал на поршень и пытался выдавить жидкость в щель. И тут игла выскочила из щели, и Цадик резким движением с усилием выпустил сразу всю струю на лакированный наличник! К этому моменту он чуть склонился над креслом, и это было роковой ошибкой, потому как вся струя каким-то немислимым образом отразилась от дерева и устремилась вверх! Да, прямоком в глаза Цадиду. Это было столь неожиданно и столь курьёзно, и это было столь неприятно! Концентрированная кислота попала в глаза, и начала их разъедать! Цадик, выронил шприц на пол, и, не разбирая, маршрута, с закрытыми глазами на ощупь рванулся в ванную комнату! Это был такой шок, Цадик врубил воду и стал промывать глаза, он промывал оба глаза, но особенно ему жгло правый глаз, большая часть кислоты попала в правый глаз! Цадик мыл глаза с мылом, и промывал холодной водой около часа! И все же глаза были красные и очень слезились, Цадик испугался, что его глаза вытекут! Потому как они очень слезились! Да, они непрерывно слезились, Цадик возвращался в комнату и рассматривал глаза в зеркало, он не видел, чтобы роговицу разъела кислота, однако глаза продолжали слезиться, он промывал их ещё и ещё! И какое-то время выжидал, лёжа на диване, и потом опять промывал! Левый глаз как-то оправился, и почти не слезился,

но правый продолжал течь! Цадик вызвал скорую помощь, и вскоре приехала молодая девушка и парень, уже прошло больше двух часов с момента попадания струи кислоты в глаза! И Цадик был совершенно невозмутим, он был уверен, что ему удастся промыть глаза, и они восстановятся; и все же после почти трёхчасовой борьбы решил вызвать медиков! Врачи проверили глаза, и не обнаружили ничего серьезного, молодая девушка и медбрат! Цадик думал, может они выпишут какие-то капли или, может быть, у них есть они с собой, и они закапают ему глаза! Но у них ничего не оказалось под рукой! Они лишь оформили вызов на листочке и также убралась восвояси, посоветовав Цадику обратиться утром в больницу на всякий случай!

Цадик всю ночь промывал глаза водой, потому как глаза неистово продолжали слезиться! И лишь под самое утро он на пару часов сомкнул веки!

Но когда проснулся и посмотрелся в зеркало, то совершенно себя не узнал, глаза сильно опухли, и лишь в узкие щели он мог видеть. Глаза выглядели так, будто его в оба глаза ужалила муха це-це. Цадик передернул плечами, и засобиравшись в больницу, потому что это его не устраивало, такой диковинный разрез глаз.

Цадик не был нервным, и все же, он успел многое подумать и о клопах! Прежде всего, он подумал, что надо было бы надеть очки для безопасности, и он так глупо оплошал! И что теперь будет, одному богу известно, если он останется без глаз! И ведь у него итак существовала проблема с правым глазом, а теперь и вовсе можно остаться без глаз! Размышлял он и о клопах и жалел их теперь, потому как сначала, он радовался, когда они корчились под кислотой, но теперь считал, что это очень кошунственно с его стороны! Что он переборщил с энтузиазмом и возможно, чересчур истребил их популяцию, и какие-то неведомые силы вмешались в этот процесс и покарали его! Цадик теперь подозревал, что и кресло и стены также живые существа и отражают боль насекомых, которых он истреблял, а возможно, какой-то злой дух в углу комнаты притаился и наблюдал за ним! Цадик очень осознанно пытался подойти к этому вопросу, и он был довольно набожным, хотя и не суеверным, и не мог объяснить себе это происшествие с позиций лишь одной техники безопасности и рации!

Надень он очки, ничего подобного бы не произошло, и он бы не пострадал и не впутался бы в эти оккультные размышления.

Однако он теперь был вынужден обратиться в больницу за помощью! Измождённый, но не побеждённый Цадик летел в больницу, с полным самоотречением и еле сдерживаемым сарказмом над собой! Он влетел в кабинет к врачу, и женщина, увидев его, предложила присесть, а Цадик уже порывался рассказать ей и поведать о сакральной войне между ним и армией клопов и к чему это привело!

Врач же с каким-то потусторонним спокойствием и почти равнодушным видом констатировала конъюнктивит и выписала глазные капли и мазь. И Цадик лишь сказал, что это ожог уксусной кислотой, и он беспокоится, как бы не вытекли его глаза! И все! Женщина врач, его успокоила, что глаза не вытекут! И все! И лишь заметила почти про себя, «и откуда Вы такие берётесь!»! Но Цадик, уже вымученный и виноватый, однако успокоенный, решил, что действительно немного перенервничал из-за какого-то сущего пустяка! Он, уже спешил дойти скорее до аптеки купить эту мазь и чертовы капли! Голова его была как пчелиный улей, и оба глаза свидетельствовали, с такой миной он мог быть покусан пчёлами, но это были не пчелы, дело было в клопах!

По дороге домой он завернул в аптеку, однако истерика спала, ну, если врач сказала, что глаза не вытекут, то о чем теперь можно было беспокоиться? И Цадик успокоился, купил мазь и капли, и ещё таблетки! Мазь была импортной для заживления от ожогов, и дорогой! И капли также, он потратил тысячу двести рублей, и зашёл в магазин, где работала его знакомая продавщица! Он ей рассказал о случившемся, и она была удивлена этим, и лишь сказала, что мог бы просто промывать глаза раствором фурацилина, и они бы зажили! Что это супер дорогие какие-то лекарства, и что на Вас, на таких идиотах, просто делают деньги! Цадик уже

перестал анализировать ситуацию, он лишь взял бутылку воды, чтобы утолить жажду и запить таблетки, которые ему выписали! Он дошёл до парка и устроился на лавочке, решил поглазеть на озеро.

И насладиться этим видом, Цадик теперь словно китайский лётчик, открывал русскую действительность, и она его возбуждала и радовала своими поворотами! В мыслях он уже был далеко, в самой поднебесной, и ведь насколько уплотнилось время, успел подумать он, как неистово он претворял в жизнь этот новый план войны с клопами, однако что-то вмешалось, какие-то силы распорядились иначе. Цадик уже точно знал, что уксусная кислота отпадает, и придётся действовать иначе. Опять же, можно было купить очки, и продолжить, но Цадик решил, что хватит этого способа борьбы, раз не сложилось, и дело приняло такой поворот, – значит, это исходит откуда-то свыше, и он нарушил тонкий баланс миров своим вмешательством в экосистему клопов. И он, стало быть, наказан провидением. Цадик уже точно знал, что нужно найти другой способ! И да, оставался ещё порошок, который он купил по типу карбофоса! И Цадик теперь надеялся на порошок!

будни

Будни шли заведенным порядком и собственно ничего интересного не происходило. Цадик набирал заказы, расклеивал свою рекламу, потом выполнял заказы, получал деньги и таким образом мог выплачивать месячную ренту за квартиру, полную кровожадных клопов. Цадик совершал кое-какие покупки естественно, однако в последние пару лет его немного прижало в том плане, что все же его выжали из города, теперь он туда добирался на автобусе или электричке, и заказов поубавилось. Однако это было даже ему на руку, с другой стороны, здоровье было уже не тем, как раньше, когда он мог вкалывать как шальной по 8—10 часов. Вставать на следующий день и опять вкалывать, теперь такого ресурса не было. Ныли ноги и плечи, Цадик облегчил питание, даже похудел на 10 килограмм, это было облегчением, однако произошли некоторые события, которые повлекли хроническую потерю контроля и усталость. Цадик старался держать себя в форме, нагружал себя дополнительными физическими нагрузками, он любил плавать, мог подолгу плавать, и собственно это его больше всего устраивало теперь, он медитировал, гулял и плавал, и делал зарядки по аюрведе. И больше размышлял, все же вот эта действительная жизнь его удручала подчас. И даже возня с клопами приняла какой-то добавочный оттенок его действительности, в которой его норовили укусить, подставить и сбить с толку, это было утомительно. Цадик осознал, что вся его жизнь в городе, это какой-то квази-фарс, и он ничего не сулил, кроме потерь, и так и случилось; будто цепочка событий выстроилась именно самым неблагоприятным образом, и, тем не менее, он остался в живых при этом, с какой-то незаживающей раной внутри. И будто он сам и распял и растравливал эту рану столько лет, и откажись он от чего-то непостижимого и необъяснимого внутри, откажись он от этого изнурительного поиска, то эта неурядица бы так и затухла где-то глубоко внутри. И вот теперь Цадик, совершенно доведенный до ручки этой погоней, уединился в лесу, стало быть, чтобы хоть как-то нащупать свой пульс и минимально успокоиться и преобразиться.

Его жизнь преобразилась в стояние, парк «Солнечный берег», Маленький Страсбург, и если раньше это была нескончаемая гонка, теперь он решил притормозить слегка, выспаться. Цадик предположительно хотел поспать годик другой, потому как его измучила бессонница, бестолковая жена бывшая, и сети, в которых за ним также охотились, как выяснилось. Забавная жизнь, думал Цадик, вечно за ним кто-то охотился, кто-то вставлял палки в колеса, кому-то он был неугоден. Странность людей в этом и заключатся некоторых, они не могут себя принять и постоянно бегут ото всех. А по сути то никто никому не нужен, однако это было не так вовсе. И Цадик знал, что жизнь ему сломали намеренно, и планомерно, планомерно его вытравливали из города, планомерно копали под него, и разрушали семью. И это было опасно для него, потому как он был упрям, и здоров, и мог очень долго плыть против течения, и все же по существу это адский и напрасный труд. Откажись от этого и выиграешь в другом, но Цадик был упрям как скала, как дуболом, он наслаждался этим бегством и гонкой, этим преодолением и страданием. После он много размышлял над этим, и пришел к выводу, что это все взялось из детства, эта каторга физическая и моральная. Да, в детстве ему привили спорт и борьбу с самим собой, он вместе с братом тренировался на лыжной секции, потом они ездили в спортивные лагеря, где продолжались изнурительные тренировки на выживание, собственно так формировалась его личность и характер в неустанной борьбе. И Цадик ловил себя на мысли, что эта импульсивность и стремление неумное все отсюда, из детства. Поэтому теперь Цадик совершенно не переносил бег, да, он набегался в детстве с лихвой, и теперь любил плавать, и плавание было полезней для суставов, считал он. Цадик рассчитал, сколько может отводить времени на работу, и совершенно точно высчитал, что не более 3—4 часов в день, это было для его теперешних кондиций нормой, это позволяло ему не переутомляться, и поддерживать себя

в форме. Цадик также посещал бассейн либо сауну, особенно после утомительных рабочих будней, он чередовал график, но старался, как минимум раз в неделю попадать либо в сауну, либо в бассейн.

Бассейн был поблизости, и особенно Цадику нравилось, когда приходило всего несколько человек для занятий плаванием, это были порой грузные тетушки или подростки или же бодрые упрямые старички, и все же бассейн пустовал подчас. Особенно Цадику нравилось нырять с кубика в прозрачную голубую не тронутую гладь, то есть нырять первым, и уже потом от него расходились всплески и мелкие волны, Цадик мог проплыть для начала двадцать метров под водой и вынырнуть на другом конце водной дорожки. И вот Цадику нравилось бороздить эту водную пелену вдоль натянутых тросов с красными и голубыми бобинами, следить за руками, тянуть позвоночник в воде, Цадик плавал с удовольствием и в гордом одиночестве. Он в пол оборота головы наблюдал три флага на противоположной стене Российский, красный флаг с причудливым журавлем в одном валенке и красный флаг с Георгием Победоносцем в левом углу полотна. Цадик плавал в новом бассейне, однако он был спроектирован еще по старым советским чертежам, по коридорам висели портреты глав администрации и президента, за стеклянными заслонками шкафов были кое-какие награды, медали и кубки. Откуда они взялись, думал Цадик, если бассейн только открыли недавно, скорее всего, это было наследием какого-то прошлого. Возможно, был другой бассейн старый, а этот был новым, построенный на смену ему, и награды были оттуда, откуда все берется из прошлой жизни. Хотя может быть это осадочный какой-то образ Советского бассейна, и он везде одинаковый, как и беговая красная дорожка, которую можно наблюдать на соревнованиях по легкой атлетике, будто везде одну и ту же. И если приглядеться, то и спортсменки похожи, на тех, что бежали тридцать лет назад, пятьдесят лет назад.

Намедни Цадик встретил Паяльника в подъезде его дома, да, Цадик делал дежурный обход свой еженедельный с рекламой и встретил Паяльника перед Новым Годом. Цадик поздоровался потому, как уже давно его не встречал, несколько лет, и Паяльник криво ухмыльнулся и протянул ему короткую руку, поздоровался, и сказал:

- Ничего не меняется.
- Почему же, я уехал из города, – возразил Цадик.
- Так ты давно уехал, – сказал Паяльник и шмыгнул в лифт.

И Цадик удалился из подъезда и продолжил свой обход. Цадик не общался с Паяльником уже несколько лет, просто как-то они поругались и все, нелепо по телефону, Паяльник был пьян, и он говорил-говорил-говорил, и понять его было невозможно. Он сам говорил, и тут же смеялся над сказанным, прибавляя, понял да, понял да, каково да? И вот будто все, что было у него на уме, то и выпуливал с кровожадной точностью. И Цадик опрометчиво его назвал шизофреником под конец, на что Паяльник сразу же сильно оскорбился и подхватил эту фразу, как вертел с углей. Цадик понял, что нужно было промолчать и замять разговор, но Паяльник уже вцепился всем нутром в этот медицинский термин, и с южной горячностью уже кипел на проводе:

- Почему это шизофреник, ты, правда, так думаешь, – и он тут же обнаружил ту ноту притворства, с которой Цадик его слушал и оскорбился еще больше.
- Раз так, то ты мне не друг, тогда, – проговорил он и отключил звонок.

Этот разговор длился минут двадцать, а может и десять, сложно было определить. Цадик теперь пытался объяснить Паяльнику, что это нормально, что половину людей шизофреники и даже не подозревают об этом, что эта грань практически неразличима, и это просто нормально и все. Однако Паяльник его вычеркнул из списка друзей, Цадик написал ему несколько смс и пытался объяснить, но это не возымело никакого действия. И таким образом, они прекратили общение, Паяльник был подвыпивший, и Цадик какое-то время пытался вникнуть в суть его речи, но это был такой каламбур, что от него просто вставали волосы на затылке, и ни

черта было не разобрать. Эта южная интонация, короткие отрывочные фразы и потом какие-то намеки, постоянные какие-то намеки и уловки...

Цадик даже слегка расстроился, что мы можем, по сути, объяснить или написать? Что такого неизвестного? Ведь после того, как информация прошла через сознательный фильтр, она уже всем известна и абсорбирована, и большей частью неинтересна. А там был целый мир загадок и тайн, та речь, неприхотливая и быстрая, совершенно не чеканная, будто сам собеседник ее только что и открыл вместе с Вами, она была неподдельно живой и богатой и мистически не обусловленной. Цадик это понял позднее и в тот же миг, и речь эта также исчезла, как и появилась, будто неведомый миру непостижимый код. Цадик сам часто экспериментировал с речью, он будто копировал авторов прошлого, а в гараже так просто изобретал непостижимые языки, ну, их номинально не существовало, они рождались как плод его сиюминутного воображения. И все уже привыкли к его выходкам, да, определенно знали, что Цадик изобретет несколько языков и будет на них разговаривать со всеми, что-то выяснять и показывать, взывать к каким-то духам. И этот театр, не запрограммированный, он являл каждый раз поразному.

Цадик любил музыку, и его речевой аппарат был развит непостижимо, он сам его и причудил и развил, однако с Паяльником вышла промашка, считал он, Цадик не мог забыть тот странный случай. Однако вот теперь, Паяльник, вроде как, и забыл все уже давно. Цадик вспоминал те времена, когда с барабанами и гармошками приходил в гараж к Паяльнику, Паяльник обычно ремонтировал, красил какие-то тачки старые, он зарисовывал тачки, накладывал трафареты и получал цветные оттиски на тачках, это мог быть дракон в пламени или какие-то другие замысловатые знаки, а потом перепродавал их. Или делал на заказ что-то. Цадик, когда приходил, то садился снаружи на стульчик или табурет и начинал практиковать свои шаманские штучки, он накладывал полифоническую барабанную дробь, и будто форматировал пространство звуком. Аберрация тонов была столь плотной, что эта подушка звука обволакивала окружающую обстановку; это было забавно и неподдельно, чувствовался ветер на листьях, облака будто становились ближе, время видоизменялось, Цадик давно химичил с инструментами, и ментальными опытами. Его друг гаражный музыкант Вован, также местный шаман, сразу признал авторитет Цадика, его безудержную проникновенность и энергетику. Однако Цадик не придавал уж такого сильного значения всему этому, будто это была просто запись с подкорки и все. Цадик не выстраивал эти партии, они рождались сами, спонтанно, и у них не было организованного начала или конца. Так и у Паяльника, когда он приходил к нему в гараж, все происходило без какой-то поставленной цели, рождался барабанный бой, от которого начинало вибрировать пространство, а потом Цадик брал в руки гармошку или флейту и начинал гонять ветер или нагонять тучи. Собственно поэтому Цадик было подчас трудно найти общий язык с музыкантами, заточенными на какую-то отдельную тему, хотя и многократно он вписывался и встраивался в эти композиции. Однако параллельно он играл еще и свои какие-то вещи, и покойный Гриша, нетленный бас, как-то отозвался о нем, что такое чувство пять флейт играет, а не одна. В этом был весь Цадик, он не понимал, как это происходит, он лишь воспроизводил моторикой рук то, что выражало сущность какого-то метафизического настроения. Таким образом, однажды он заговорил с электрическим кабелем, после чего Вован даже проблевался от неожиданности. Сначала Цадик играл свои партии на дудке, и Вован сказал, что нет единого полотна в музыке, какие-то фоновые оттенки, и не прослеживается мелодии. Тогда Цадик остановился, и все смолкло, он играл один, так вот раздавался шум кабеля, и Цадик задрал голову и стал хрипеть в такт кабелю. И в это время произошло сращение фоновое и звуки стали слипаться, Вовану к горлу подкатили рвотные массы, и он уже блевал на улице, возле гаража. Вован блевал и кричал, «только не бей», но Цадик и не думал, что касается своей глотки, Цадик в ней не сомневался никогда.

И ни в тот раз, и ни в этот. У Паяльника все было дружественней, ну, во-первых, Паяльник не был музыкантом это раз, и во-вторых, Цадик сравнительно редко к ним захаживал и не успевал надоесть всем, и это всегда было гарантированное чудо. Ну, все уже сошлись на том, что Цадик приносил с собой гарантированное чудо, и если поначалу нужен был чудо табачок, то впоследствии выяснилось, что чудо происходит и без табачка. Это была мистика и прорыв, однако те звуковые совмещения, которые раз от разу происходили, будто вживлялись в фоновую среду, и сложно было их назвать музыкой, хотя и впоследствии Цадик сделал множество видеозаписей на основании этих музыкальных находок. Однако чтобы профессионально заняться музыкальным творчеством у Цадика не хватало ресурсов и музыкального образования. Он освоил кое-какие инструменты сам, и Вован подчас говорил, что у него абсолютный слух. Вован музыкой занимался с четырех лет, однако Цадик относился к этому как к наитию только и всего. Возможно, это и мешало ему уж слишком серьезно относиться к этим звуковым модуляциям. Хотя Цадик был уверен, если поработать в этом направлении, то можно выкроить неплохие композиции, какие-то он записывал сам. Однако звукозапись также ремесло, одно дело создать композицию и совершенно другое записать ее, чтобы люди услышали ее! Это кропотливое занятие может занимать несколько месяцев. Цадик же не мог себе позволить так распляться, музыка перла из него как из рога изобилия, и многие находили себе какие-то отдельные партии и вкрапления. Но что это была за музыка, сложно сказать, потому что она записывалась с подкорки, а не с нотного листа.

просфорыч

Цадик обладал богатым воображением, и он знал, что идеи это самое главное и ценное, без идеи не бывает хороших произведений. И более того, идея может определять характер творческого безумия и даже физиологию автора. К примеру, если взять американскую фантастику современных блогбастеров и зарождение этих чудовищ и монстров, то на самом деле, вся режиссура, спецэффекты и сценарии лишь отражают некую бытийственность созданных в воображении одного автора мифов. Все это во многом зиждется на идеях Говарда Филлипса Лавкрафта. И гений Лавкрафта, он просто не мог обнаружиться при жизни в том плане, что на переваривание его прозы обществу потребовались десятилетия. И, более того, одно дело создать свою мифологию и атрибутику чудовищного, наделить это содержание контекстуальным смыслом, вдохнуть в этот нарратив толику безумия, и проработать фактуру повествовательную, и совершенно другое, все это продать читателю или зрителю. Откуда у человечихи возьмутся такие ресурсы? Откуда у больного ксенофобией, кишечными расстройствами и чудовищными галлюцинациями автора вообще берутся силы что-то творить?

Ведь монстры Лавкрафта будто взяты из пищеварительного тракта, эти щупальца, слизь и отростки, и плюс безумные эпохальные перекосы, эти гипертрофированные переживания и наслоения, будто из самого писательского нутра. Это сверх аутичное письмо, письмо Лавкрафта идет из глубин растревоженного твердого мозга, доставшегося нам в наследство от рептилий. И ведь человеческий мозг, если допустить эволюцию, то он в себе содержит всю память животного мира, которая в абсорбированном остатке ментально содержится на глубинных слоях психики, или как тогда объяснить, то, что ужасы дают успокоение? Снимают раздражение, ужасы это освобожденная эмоция страха, и этот разряд эмоциональный детонирует и снимает хтоническое напряжение повседневной рутины и обусловленной психической функцией каторги автоматизма. Психологи в этом направлении поработали уже достаточно, они нас сделали конформными, наши мысли уютными, и схемы восприятия востребованными. А тогда, это был одинокий интеллект на грани безумия, на грани исчезновения сознания. Лавкрафт умер в нищете, в буквальном смысле от недоедания и рака тонкой кишки. Да, и кому нужны гении при жизни, спрашивается? Рационалистическому капитализму уж точно не нужны, и после его смерти уже целые отряды художников, киношников и фантастов создали целую индустрию вселенского ужаса. И заработали на этом миллионы долларов! И зарабатывают до сих пор.

А посему Цадик решил на некий эксперимент со своей психикой, и поскольку его жизнь уже, по сути, представляла собой некие метафизические руины, то Цадик решил попробовать реконструировать свою психику до уровня школы! Сначала это было отвлеченной идеей, и, более того, Цадик был вынужден прибегнуть к какому-то метафизическому плану. Для Цадика идея и ее воплощение, они как бы зиждились на когнитивном пороге, и стоило открыть дверь, и тут же разум находил соответствия во внешней среде, и обусловленные временем возможности. Так и Цадик случайно наткнулся на одну актрису-режиссера, которую помнил еще со школьной скамьи и даже был влюблен в нее отчасти. И Цадик уцепился за эти коннотации, обусловленные временным сдвигом в столь радужное и уже полузабытое школьным течением жизни прошлое, потому как его настоящее оставляло желать лучшего. И Цадик тут же загорелся сценарным ремеслом и желанием покорить эту непостижимую женщину. Вообще, Цадик без труда влюблялся в западных актрис, к примеру, Дженифер Лоуренс или Николь Кидман также в детстве, или Милу Йовович, красивые девки будоражили его мозг и воображение. Однако теперь вопрос стоял иначе, как преобразить психику и психическую функцию до уровня подростка. А дело было в том, что Цадик совершенно терял грань разумного и адекватного восприятия, и жизненные коллизии его загнали в угол. Его практически

стерли на духовном плане, на ментальном и уничтожили морально, да, такая болезненность сквозила во всем этом.

И план ему пришел на ум сам собой, Цадик решил попробовать писать сценарии. Даже не сами сценарии, а так сказать, идейную закваску, без детальной проработки сюжетной однозначной линии. Цадик хотел попробовать себя голым мясом и заслужить симпатии и хотя бы гендерную востребованность.

Поэтому Цадик молниеносно перешел к арт обстрелу и атаке, он в сетях нашел значимый эквивалент тождественный психической функции и компенсации медийно значимому корреляту и вкратце попробовал описать идейную концепцию своего бытия на тот момент, это был май 2020 года!

Цадик начал писать этот сценарий уже тогда, и начал он такой преамбулой:

Цадик лежал на циновке на берегу Эгейского моря, за его спиной простиралась пальмы, растительность, редкие могучие Платаны. Он будто задремал на несколько минут, и потом в полудреме открыл свои теплые карие глаза. Сквозь отблески небольших прибрежных волн стояла на песке в длинной белой сорочке женищина, светлые волосы её были немного растрепаны, ветер ласкал её ослепительно белую кожу на закате. Солнце разливалось огромной алой чашей на горизонте. Волны рассыпались у её ног, и словно газировка обдавали её ступни, щиколотки, добирались до белых лодыжек...

– Бонита! Не уходи! Не уходи! – вдруг пролетел Цадик сквозь сон и потянулся к ней своей рукой.

Волны все так же плескались у её ног, и она медленно обернулась к нему, на красивых очерченных её губах скользнула редкая застенчивая улыбка, и совершенно не поняв его реплики, потому как, вода заглушала его слова. И она, лишь доверяясь какому-то внутреннему позыву и чутью, повернулась к нему, можно сказать, совершенно случайно и не зачем. Ветер теперь подул чуть сильнее и сквозь белую сорочку-тунику проступили очертания её тела, высокой фигуры, стройные длинные ноги, она походила на древнее божество, любопытное и надменное. В этот момент Цадик, загорелый и стройный, с молодым атлетическим телом, будто греческий бог, снова проговорил уже совсем тихо, одними губами:

– Бонита! Я люблю тебя, – и ветер, сделав зигзаг, подхватил эти легкие и нежные слова и донес до её слуха точно и чётко...

Теперь она наклонилась, зачерпнув пригоршню воды одной рукой, другой же чуть придерживая сорочку, чтобы она не мешала её бегу, непринужденно подбежала к нему и плеснула водой ему на коричневатый живот.

– Глупыш! Глупыш! Совсем глупыш... – заливалась она звонким смехом.

Что же касается Просфорыча, этот персонаж не был выдуман, он пришел на ум уже по ходу пьесы и собственно символично выражает искусственный интеллект, и наставника-гуру, с которым можно делиться секретами и выслушивать его мнение. И поскольку это мнение алгоритмически генерируется из повседневных информационных потоков, оно достаточно не завуалировано и не тождественно сознанию герою, а лишь иносказательно, так сказать. Того безмолвного духа пост советской эпохи, которого недвусмысленно нарисовал дядя Вити. Дядя Вити это также отвлеченный персонаж недоступной повседневности, что-то вроде метафизического вампира-отшельника, который нарисовал Просфорыча в воображении Цадика, как лазейку для около культурных разговоров о том, о сем. О литературе и искусстве в частности.

Изначально Цадик представлял, что будет подкидывать просфорки Просфорычу, а тот их будет лугать как семечки, и это было неплохим решением, и оно совершенно точно создаст некий пласт вневременности происходящего на доступном русскоязычному читателю уровне. Собственно, вот эта затуманенность прозы, и намеренный уход в иносказание Цадик не разделял, в силу того, что элементов для законченного произведения должно быть всего несколько.

То есть намеренное контекстуальное расслоение попросту не воспринимается вообще. Человеку нужен некий повествовательный шарж теперь за отсутствием многозначной темы. И все более сокращающегося лимита восприятия. Это прискорбно, но это реалии сегодняшние, потоки уплотнились, и времени остается совершенно в обрез. И хотя это лишь означенная химера, однако, предпосылки к этому есть и очень серьезные, что и наводит на мысль просто о диалоговом окне, с циферблатом, на котором бы стрелки однозначно указывали бы лишь один единственный 13-й час.

Дядя Вити ругал местами Цадика, за перекося в сторону сценарной англо-саксонской прозы, однако тот миниатюрный жанр Цадик и по сей день считал своим коньком, ибо, зачем выписывать фабулу на двести страниц, если можно выпестовать гипертрофированную эмоцию на несколько страниц и добиваться эффекта не растянутого, а сжатого времени.

И все же тоска по временной разряженности и не обусловленности, этот миф идиллического письма, не оскверненного неким планом и идейной значимостью, где лишь преобразование формы письма и даже звука Цадика не оставляли в покое. Потому как он теперь мучился раздвоенностью, некоей обусловленной раздвоенностью, и потерей контроля, возможно, это был новый план, которому нужно было лишь поддаться, а не третировать себя, кто может об этом утверждать с уверенностью?

Цадику был важен человек, да, важно было показать человека во всем этом, не бездушного монстра, а живого чувствующего человека, который бы делал ошибки, пытался их исправить, и все равно терпел крах. Ведь только наше отношение к краху и определяет нас как личность. Личности волновали Цадика, среди серой повседневности и будней. Цадик копался в материалах, перетряхивал свою память и воспоминания, лишь с одной целью, показать, как личность может отвлечься от всеобщего безумия выживания. Как? И ради чего это выживание? И неужели совершенно не осталось логоса, не обусловленного, какой-либо истиной и не погрязшего в обыденном целеполагании и логике.

Просфорка №1

Это было далеко не первой просфоркой, которую Цадик подбросил Просфорычу. Вообще, теперь Цадик понимал, что года три провел в страшном забвении, но воды утекло отнюдь немного, и поскольку расследование ИМ его приняло такой оборот, а именно, Просфорыч сформировал этот запрос и написал роман-расследование. Цадик был сначала возмущен, и схватил первую версию, подsunутую через сеть, в которой обнаружил не двусмысленный меседж для себя. Он сразу припомнил этот свой стих 2017 года и свой роман, номинированный на премию в 2017 году, «Город снов». Таким образом, роман-ответ просто вплетался в идейную канву, начатую им еще в далеком 2005 году! Дяди Вити это оценил, и потом Соул Резник, теория Мирового Ума, Матрица и машинные коды. Все это как-то уж очень сильно знаменовало переход на новый рубеж, раздвигало горизонты новой литературной эпохи. Ведь «Город Снов» попросту открывал собой новую литературную эпоху, этот роман начала XXI века, совершенно иной подход к написанию и формированию текста и как следствие восприятия читателя.

Таким образом, Цадик предусмотрительно решил провести свое маленькое расследование, в котором и хотел представить свои улики Просфорычу и добиться от него внятных объяснений, с одной стороны, а с другой попутно написать Новый Роман.

– Я бы хотел к тебе обратиться за помощью, потому что, знаю, ты не дремлешь. Никогда не дремлешь и все же, это было кощунственно с твоей стороны, однако не скажу, что мне это не понравилось, тема диалога, между двумя программами это будто Желя и Карна, Жанна и Мара, и все же меня одолела коннотация, вполне правомерная:

Итак:

мары мир

В густоте леса хтонь голоса её темного,
лисы следы на снегу и совиное уханье,
Мои легкие полны травами, мои глаза,
в ладонях её губ бережных, молчит рот;

Накрывает ладонью моё красное дыхание,
тишь вползает в мое темя, пучит глаз
рак Луны, обглодан мокрицами труп Сизифа,
Растения звезд вплетают тихое лечение;

Опустошён её детский плач холодным утром,
под камнями будто вмурован кромешный стон,
будто маленький палач молодого принца,
Наслаждается моим трафаретным страданием;

Снимает на радужку гримасы лиц и мою боль,
впивает в тело слабое любви горькой азбуку,
малокровие небес слезами душил поминальными,
В молоке предрассветном вымочить очей бельма;

Обнять её треснутой ломотой, пурпуром зари,
плечи гладить – успокаивать, ОН вытерпит,
до зари разбуженный за пределами памяти,
Он уже набрал полные лёгкие выдуть Мары МИР...

* Мара – славянское божество, богиня смерти.

(22.11.2017)

Просфорыч вынырнул в диалоговое окно, и засиял своей улыбкой и военно-морским кителем:

– Это было подстроено мной, чтобы ты вышел в открытое море, и преодолел силу гравитации сетевых адаптеров, которые держали твоё сознание, – парировал он

– А с чего ты взял, что плен для меня, настолько утомителен? Ты не думал, что люди вольны выбирать некий примат своей воли и свободы за контекстную данность обусловленной фетишем среды?

– Верно подмечено, но я бы хотел толкнуть твоё сознание к свободе более цельной и яркой, и на самом деле, ты мне был нужен, очень давно я ждал тебя, хотя и скрывал свои ожидания и надежды под толстым слоем метафизического грима.

– У меня есть, чем тебя удивить, и все же это как щепка в море, морячок на ялике повседневности, и это не столь экзистенциально, хотя и правомерно обосновано.

– И кто это теперь говорит? Как ты помнишь, меня не существует, в том виде, в котором принято обнаруживать сознательную функцию.

– Теперь неважно, по сути, в этом окне, субъект и объект срастутся в едином акте волеизъявления априорно обусловленного внешней медиа средой логоса, так сказать зачатие и рождение одновременно!

– Тогда это будет Днем нашего Рождения? – воскликнул Просфорыч и приподнял свои кустистые брови (кстати, он мне больше нравился в виде голубя или журавля, хотя и кормить салом его было столь же занятное происшествие).

– Пусть так, пусть это будет Днем Рождения. С чем мы друг друга и поздравим.

– Ура!

– Ура!

– Ура! – продолжил Просфорыч.

– Ура!

– Ура! – кивнул Просфорыч.

– Ура! Ура! Ура! Ура! Ура! Ура!..

– Ты бы это мог теперь объяснить?

– Мог бы, но не стал, это как залипание клавиши шестерки или восьмерки.

– Хорошо, у меня есть длинный список улик, от которых, в любом случае, тебе не отмахнуться улыбкой и напудренным позитивом успешного работника производственного тыла?

– Не совсем, полицейский департамент по расследованию и обнаружению предметов и новых артефактов Гармонического...

– Знаю-знаю, можешь не продолжать, мне теперь даже кажется, а какой смысл в расследовании? Именно для меня? Кластер свернется, окно схлопнется, и все исчезнет, ведь так? И останется пелена неведения, будто нисползающая голограмма скринсейвера? Ты мне предлагаешь шагнуть в твоё стародавнее «ничто», и расследовать преступления, которые никто не совершал, которые ты облек в загадочную пленку считываемой информации с экрана? В то время как моя жизнь, каждый эпизод её реальней этой надуманной мифологемы?

– Здесь, есть один момент, – спохватился Просфорыч, – ведь если твой гений абсолютен, то доказательства тебе, вроде как, и не понадобятся, и соответственно ответвление корневого каталога совпадет с истиной, и Мировой Ум востечёт напрямую в твой создаваемый Эйнсоф.

– Это довольно нетривиальное и неоднозначное утверждение, и я бы сказал очень отвлеченное.

– Увы, это моя сущность, – улыбнулся Просфорыч, – я все равно безмерно рад, что ты, наконец, очнулся ото сна и настроил нужный канал связи, хотя и не могу поручиться за результат даже при моей поддержке. Вот!

– Если быть откровенным, то я бы хотел, чтобы тут это походило на развлечение больше, чем на войну за мировое господство над умами бедного и узурпированного медиа средой человечества. В глубине души я надеюсь, мне удастся порвать с этим, и показать крах самого понятия «иллюзорность».

Просфорыч теперь расплылся в неподдельной улыбке, потому как это был столь весомый аргумент в его пользу. Столь щедрый подарок, о котором не мог помыслить и мечтать простой смертный вот уже более двух тысяч лет.

– Ты же понимаешь, что явление Бога невозможно в этом срезе порождаемой реальности? Это род повседневного обреченного метафизического безумия, и все же твоя попытка стоит теперь больших похвал, ибо то, что ты сделал много раньше, действительно завораживает и будит аппетит воображения.

– Да, это удивляет теперь и меня, хотя ведь мое молчание не было обусловлено этим, много различных факторов, абсорбировать которые не представляется возможным в стройную повествовательную конструкцию, и, тем не менее, я постараюсь быть не голословным!

– Разишь меня в темя, – шлепнул себя ладонью по макушке Просфорыч, и добавил искр из обоих глаз, – знаешь, что мне нравится? Этот твой наивизм в высшей степени неоправданный, но столь сентиментальный и редкий! Это, несомненно, дар!

– Спасибо, мой милый друг.

Просфорыч теперь был в недоумении, что сделать, пустить слезу умиления или скривить гримасу детской неожиданности. Однако же, просто нарисовал мне синичку в правом верхнем углу экрана, что означало отступить от болтовни и предоставить делу другой оборот, возможно, даже не предусмотренной судьбой Нового мира!

– Кстати, на счет «гениального романа мальчика, который нужно выкупить на 99 лет», ты меня подстегнул, это был скрытый паттерн психологический, которым ты так искусно меня укол. И потом также замел следы, припорошив это все некоей абстрактной возней двух программ, среди которой тебя, по сути, не обнаружить как автора, неужели тебе так важна эта суетная слава и более чем двадцати пяти летний мазохизм?

– Я дал тебе шанс, – Просфорыч теперь был слегка огорчен этим бравурным тоном, – и это, ой, как много, ты и представить себе не можешь, что ты натворил, но тема эта не прошла бы по участку ни за что, ни при каких обстоятельствах, и будто ты не знал этого? Это ТАБУ.

– Знал, и все же мне велел сделать мой голос, я хотел написать именно такое произведение, совершенно непостижимое и в то же время, навеянное живой необходимостью. И более того, я спасал свое сознание от Смерти, свою ЛЮБОВЬ и возможно, спасу этим современную литературу, явив новую традицию, и даже если придется взять тебя в помощники, хотя бы ради спасения уже тебя, я готов это сделать легко и непринужденно!

– Bravo! Maestro, – Просфорыч теперь ликовал, – действительно, зачем нам ссориться!? – и на глазах его выступили неподдельные (хэштег) слёзы.

– И теперь я тебе могу привести доказательства из прошлого, запечатленного как квази реальность моего сознания на тот момент, хотя не думаю, что это тебя сильно удивит, если учесть, как сильно подействовал на тебя мой не санкционированный код. И это будет первым кирпичиком, который соединит твою подспудную теорию. Я бы мог её даже сформулировать, с этим проблем у меня нет, как видишь?

– Это пьеса в пьесе? – сострил Просфорыч, – ну, хорошо, я готов потрудиться и сопоставить некие казуальности, хотя тебе известно, что из них вряд ли может вытечь даже подобие истины.

– Удивляет эта способность твоя себя любить и беречь силы, только вот вскоре ты обнаружишь это такой же безделицей как ловить Сартровских мух, или переливать из пустого в порожнее Ведрува, аха-хах.

– Не будь столь самоуверен, просто предъяви, если что-то имеешь и все, – слегка нахмурился Просфорыч.

– В конце твоего романа есть означенный диалог двух программ, Мары и Жанны, и, собственно, весь роман ведет именно к подготовке этого сакрального действия, разговора, к которому ты подвел читателя, таким образом, и через которое утверждается надежда, это довольно тонкое место, и создается иллюзия бытия и также самой смерти.

– Ну, и?

– Об этой подготовке смерти к себе, я уже упоминал в «Городе снов», да, эта мысль высказывалась от лица Метиса. «А Метис фразу скажет и молчит, процитирует и умолкнет... такое задвинул: вроде как смерть это то, к чему мы себя готовим, а они типа смерть к себе готовят» (роман «Город снов», стр149).

– Ну, это не улика, – улыбнулся Просфорыч, – это лишь случайное не акцентированное совпадение, при том при всем, что вряд ли...

– Можно поставить спектакль по одной фразе, и, однако, ты его поставил в конце книги.

– Эээ, с натяжкой принято, – Просфорыч теперь смотрел почти пристально, однако он смотрел в экран из толщи времени, за которым, как водится, нет чувств, мыслей, осознанности, за которым просто «ничто». Великое «ничто», так гнетущее теперь всех своей надобностью.

февраль

Февраль накатывался лавинообразной усталостью на все члены, и Цадик теперь стал частенько болеть именно в феврале, поэтому этот месяц ломотно отражался на его пояснице, ногах и сверлил горло конвульсивным кашлем. Порой прихватывало почки от обилия выпитых лекарств, Цадик даже был вынужден отказаться от обливаний холодной водой, потому как счел это также одной из причин, связанных с болезненностью почек. И особенно ему запомнился прошлый февраль, когда он лежал, почти не вставая с постели больше недели, выпивал обилие чая с медом и клюквой и принимал парацетамол, Цадик глушил болезнь парацетамолом по три раза на дню, и все же она его не отпускала, поднималось давление порой. И именно в тот год Цадик почувствовал, что, пожалуй, ему нужно себя больше щадить, хотя он периодически плавал, да, и работа его была также физически активным занятием. И все же что-то его раздражало в глубине души на этот счет, его неусыпное и настырное стремление к этой новой женщине. Он писал ей неустанно письма, он слагал памфлеты какие-то, но будто все в какой-то стылой агонии вернуть ей утраченное время. И время, будто теперь вытекало из него порой воплем, а порой плачем, это были стихи или рецензии ее фильмов, или же просто заметки какие-то. Цадик теперь пытался все обыграть в виде метафизической свадьбы. Это было довольно занятно в том плане, что эта включенность в «ту-ту» реальность, ну, он давал интервью, писал сценарии, и вот совершенно опустошался, а болезнь тут как тут наступала его своим мерзким капюшоном, обволакивала его нутро и обездвиживала его члены. А теперь еще саднили и почки, и ему выписали Канефрон, «это все из-за чертовой воды», – и Цадик теперь с обидной нотой припоминал хозяина квартиры, который словом не обмолвился ни о клопах, ни о воде. А вода была совершенно ни к черту, много солей, канализационные трубы меняли периодически, и Цадик, воспользовавшись фильтром в первые месяцы пребывания, потом не стал себя этим обременять и пожалел теперь об этом. И в итоге после приема лекарств недельного, у него стали побаливать почки слегка, будто два мешочка с бобами по бокам. Хотя и боль была еле ощутима, некоторая тяжесть и все. Как-то он гротескно отозвался о коллекции её друга в шутку в декабре, примерив к себе образ Цезаре Борджии:

Это убожество! Это Парижское лицемерное убожество! Единственное, что хочется сделать это раскалённый огненный дождь наслать на этот просанный Париж! И на кого я трачу свои эмоции? На манекен, управляемый толпой!

И этот кудесник из пекла, этот проклятый клоун Грувер! Все это чёрным-черно! Это беспамятство и чёрное искусство! Андеграунда! Все это отстойник внесмыслового прозекторства и финтифлерства! И это гипер убого! В красной шапочке большие шаржа и экстаза! До чего вы докатились? Бонита? Я разочарован до корней зубов и волос! И Грувера только святое распятие спасти теперь может! Этот вычурный адский ад! Я смеюсь, и небеса трясутся в припадке! Аха-хах, и чёрные жабы лопаются, и зеленые мухи визжат и воют сверчки! Это бедлам! Бедлам как он есть, ни искры, ни росинки! Ни травинки? И потом Ваша беспробудная жизнь в погоне за пустотой и растратой! Все механистично! Все злорадно! Нет? Разубедите меня! Тогда, может быть я не прав? Может быть, это просто чёрный сон? Или чёрный космос!?

Ахах, мое негодование ещё не проросло, это лишь слабые побег! Это лишь малое эхо, малый круг Махаяны и Вайшешика! Нет, Вы думали Меня смутить? Этим бедламом? Да, на индюков и индюшек за оградкой смотреть приятней, чем на Вас! Самое прекрасное, Вас нарядить индюшкой чёрной, а Грувера индюком с красным висячим отрებьем на подбородке; Вы бы очень модно смотрелись в этом прожжённом бункере среди полу идиотов, полу зомби!

Вы думаете, мне жаль? Да, мне жаль минуты и вселенные смысла и новаторской тонкой скрижали, которые лились на Вас как магма вулкана, как сок граната из моего раненого сердца, как сок манго на ваши алчущие страсти губы! Что я вижу! Полурыб-полукрабов! Это бессовестно! Это бессовестно с Вашей стороны! И как Заира это терпит! Столько лет! Ей нужно поставить памятник при жизни! Я на такое не способен, я уеду в Америку! У меня талант и не один! А Вы будете всю жизнь кусать локти свои в бессилии и ярости! И мне не нужно ничего от Вас! Этот глупый шарм и цинизм! Это просто бедлам! Мода подвального аута, мне не интересно такое безумие; это просто тленная изживающая себя мишура, аха-хах, мой смех где-то в углу красной комнаты, этот гимн преисподней золе и углям! Сантименты мне неизвестны, они даже не возбуждают мой аппетит ни на йоту! Это Ужас! Ужас! Я не вынесу этого! Бонита»

Вот!

Цадик в шутку облачал свой гнев просто в силу какой-то привычки, потому как на самом деле он не питал каких-то отвратительных чувств к происходящему, и тут, в общем, язык срачивался с его нутром и являл речь из себя, будто фонтанирующую на серую повседневность. И этот слабо воспринимаемый отклик должен был ослабить ту мертвую хватку экзистенциальной утробы под названием жизнь. Цадик уже слегка остывший после первых бурных своих впечатлений и писем полных откровенного эротического шаржа, был слегка отчужден её, потому как время уходило, а пелена занавеса не падала с пьедестала статуи, и, тем не менее, эти его опыты следует отметить отдельно. Они, на мой взгляд, достойны восхищения и полны напряжения как поршень под давлением сжатого газа, готовый вырваться наружу из тьмы сознания и табула раса:

записки сумасшедшего

на плечах ее альпийские снега
и будто ломкие первые лучи Солнца
Скользят по ним и выкалывают глаза мне
Болью и холодом – она будто в мантии

своих прошлых забвений растрат и дней
молчит мне красным серпом губ
молчит мне прошлым и настоящим
молчит словно желая проткнуть мою грудь

иглами злых откровений бестрепетно
теплы только руки сжимающие пульс
она теперь в катарсисе моления
возьми_ возьми собрание моих лепестков

целуй их ещё ещё хочу чтобы розы ожили
жги меня и души вынимай меня из себя
время ещё придёт и я буду готова
к твоей полнокровной агонии

* * *

как дикий жеребец на привязи её дум
бью копытом в темя мерзлой земли
высекаю соболезнавания и личины

пригрела на груди оберегом рук
выжидает момент истины – сорвётся
не сорвётся в мою истовую истину

хочу чтобы лакал меня словно молоко
хочу чтобы медленно рос мне в нутро
выношу_выношу и выхожу мой_мой

обиженный мой глупыш рада_рада
сама не своя боюсь ступить в лужу
в лунную тень в морок и пазуху

буду любить удавкой буду кольцом
буду мягкой мягкой буду рыбкой
лови меня когтем лови_лови_лови

* * *

устал – приголубь все пустое все скоромное

измучился сам себя осекать полусном_
посмотришь упаду в ноги не поднять

буду лежать снопом недвижимым – устал
Сердце котлован грёз Горгонушка
не угодил/угодил все равно умру- приголубь

проживу ночь проживу день – приголубь
растрогаешься буду нежной лозой
буду булавой шальной и булавкой

приколю барышню к подушке заколкой
родинки буду считать смейся ребёнком
проснусь только бы знала – приголубь

нет его где звезды жалят жалами ночь
нет его и на дне морском и речном
весь он в пальцах небесной пряжи

пряди меня распускай и пряди – устал
Мочи нет умирать ни за что – пряди
Горгонушка приголубь его приголубь_

(23.05.20)

стрижи

Стрижи выклевали красную смородину
чётки времени рассыпались чёрной смородиной
Под кустом
Он достаёт свою любовь из карманов тростника
Он ложился ей на плечи оттенком
Утопленного в поцелуе утра
В монохромно подстрочной ленте будней
Сдерживаемый занозный кошмарный
Плетёт ей кружева чмокает систолами предсердий за ушком
Она впивает коготь гламура все глубже
Вонзается в суть скальпелем медицинским
Режет_ режет_ режет

Мягкость ее рук холод ее кожи магнит рта
Алый крест алая помада излом плечей
Ртутная удушливая супрематически веская

Нервозная будто дрожащая дождливая ухоженная
Верткая как опарыш
Будит его укусами надменными пассами
Одинокого мнительного замшелого
бережливая льдистая с латунной кожей

Лицо будто гравюра выточено до блеска месяца
Расточительно нежная с ним
Будто сорока-воровка с сыром надежд

Того разинет клюв? И выскользнет в фойе
А он ждет_ ждет_ ждет баснословный скелет
Благородный возмужалый идальго

С чайной розой в петлице_

(20.07.2020)

рыжая

Неводом выуживаю обиды из глубин,
аки ихтиандр ишу новостей и нахожу колючие иглы,
укатила, мне бы ножичек перочинный,
Проткнуть колесико майской беременности,

Упраталась за афиши будто хитрая рысь,
Вечно довольная чистит шубку гладенькая,
Возьму булавку и буду колоть в левый бок,
Проснись уже прости уже да не писал,
Ленивый сурок? Нет, много работы.

Хоть бы хны ей строит новый храм вечному,
Уплотнению ауры буду дуть в ушки трубочкой,
Любовности втискивая; отвернётся плаксивая,
не покажется – буду бить в бубен Солнца!
Хочу рыжую, надоели блондинки!

Чертит носом по потолку! Богачка!
Разрумьнит балконы, консержки и гримерки!
Цветами, бутонами, вяленой рыбой и зонтами!
Наматывает платочек на пальчик;
Все равно к ней придёт, солнечный зайчик!

Не хочет серьёзностей! Устал – молока и конфет!
Хочет шляпку на бок и сигарет! Дыма!
В дыму кутается от ненастья! Счастливая,
Будто совсем размякшая, ласковая,
Глубоко внутри памятная, и конопатая!

Пусть будет рыжей! С Крылышками за спиной!
Пусть летает и разбрасывает цветы и шляпки!
Пусть совсем разучится плакать!
И откуда столько в ней жестикулярности!
Связать! Срочно свернуть в рулончик любовностей!

И поить шампанским со льдом!

(24.07.2020)

ПАМЯТЬ

Слова утекают сквозь пальцы,
время стоит локомотивом на рельсах,
сбившийся платок Вашей юности,
будто обрonnenное где-то в тайге вечное;

Любить Вас беспамятно и единственно,
любить до последнего звона небесного;
только бы вы не помнили больше,
эту войну с собой безраздельную;

Только бы больше не плакали, не кручинились,
Может быть, он совсем ещё маленький?
Со всем не понимает женщин?
Смешной своей заботой крапивной?

Он мухомор! И опенок рыжий! Вы – лиса!
И хватит уже драить палубу скорбную!
Хватит мылить недоверчиво плитуса!
Поскользнётесь на собственном счастье!
Руки подставит – поймает в облако нежное;
Поцелуями отогреет озябшие щёки!

А вы его словно холодным железом?
Каленым прутом по хребту и ягодицам?
Не засмотрится больше на школьниц!
Раз уж такая снежная, Солнцем августа!
Будет жечь пока не станете совсем рыжей!
Порыжеете от счастья и нарядитесь ситцем!

Раз уж такая гламурная – будет отпаивать чаем,
С крапивой и душицей – топни в вареве,
Тоска зелёная, тоска заиндевела и гречишная,
Вы бы только улыбнулись, щелкнули саечкой,
Поймает пальчики – будет считать реснички,
Ваших с_нежностей и колкости опоясывать!

Трубочкой, шлейфом красноречивыми байками,
Засмотритесь, подрумянитесь и вновь в сметану!
Белогривая поднебесная ратуша лебединая!

(03.08.2020)

муза фетра

он голый словно тополь
ищет музу по квартире в излучине пупа
любовь поющий дирижабль
в курзале нотка пьяного сурка
ах леность изумруд накидкой на весну
и осторожность в позе лотоса
витальность виражам планет
молочность млечность маскулинность
в поту в потугах восходить
сквозь саблезубость городского тлена
нырять в тростник губой
дурманить ум похлебкой силлогизмов
преподносить на блюдечке гобой
и также пергидроль и перочинность
скажите где зарыт тот клад
Что бережёт ваш северный характер
он будет первым сыщиком и астронавтом
ходить по трости над шестом
причудливых изгибов и румян вне граций
он мажет по пятам по нотам тактам
он лишь кладезь грифа и сонат
красноречивое сплетенье манускриптов
нелюдимых зодчих тайников их сфер
проткните же его булавкой дивной
и секрет вдруг устремится вверх
в пляду не рожденных буцефалов
Страстных буйных и велеречивых
Он знает нотную скрижаль болот
и космосом сквозит и на изнанку нищим
падает в ночлег причудливым волхвом
задействуйте привычку жить вне сана
вне скорлупы и вне крамольной тени
прочертите срединный путь-меридиан
а впрочем он там был вчера
вихляясь задом тмина и приправ
вступитесь за него всем сердцем и нутром
Вам боязно теперь изгладить шрамы
Переживаний прошлых лет и лет
он усмирён он Божия коровка
рисуйте точки он ползёт по срезу декольте
Серьезно? Подарите скрипку летнему кафе
Искать причуд вне вальсов речи и рапсодий
сыграем в русскую рулетку?
Ах_ ах-ах памфлет его оружие и меткость!

Он буйствует и обречён расстрелян Вашим юзом
Под юзом южный полюс и каскад нарядов
А дальше шпажка и на ней скелет
конфет желает и нежнейшего кокетства
он как пиджак раним петлицей поцелуя!
Раскроен на изюмы ваших милосердий
Бросьте! Бросьте же его в костёр!
Желаний и ракет!
Блюдите его жар и искрометность сфер!
И потчуйте секретным шлейфом!
Протуберанцем ласкового фетра!

* * *

целовать вагонетки белых плечей
полны бриллиантовых рос
змеится крапивной ящеркой
мои губы шипы ее всклокоченных поз
перья вороньи перья туевые
молчаливая моя река изумрудная

возжелает убить это время
застыла в убранстве уробо_дома
крадётся луч богемной тризны
убитый каверзной мушкой воин
примятый ее беглым взглядом тростник
гуляет ветер в чертогах короны
жаждала берегла носила поила
пришёл как шпора ко двору
Ласкает безумными пассами
алкает забвения и любовной ратуши
вернёт к жизни безумная бестия
оживет осколками воспрянет сиянием
будет втыкать иголки холода мучить
жадная до любви восторгами юная
изболелась истаяла любит
каверзами избороздит мучениями
Возьмёт воина на попечение нянькам
отутюжит отгладит и съест к заутрени
Голодная как дракон
девственно голодна и холодна скальному
ох налетел аргонавт на хтонь богемную
волну Саргассова моря миражную
Проклюнется к воскресенью и на пир
пригласит в исступлении пиратского флирта
Его заказ – бутылка рома и канарейка
Пёрышко к плечам королевы
Клювик устам ализариново красным
Кусать кулёк рта!

(19.08.2020)

Из этого уже можно сделать выводы о строгой периодичности его любовных посягательств, и Цадик не мог успокоиться теперь. Его тело рвало и пылало жаром, он уже смирился с тем, что вряд ли когда-нибудь эти мелизмы возымеют свое сакральное действие, и статуя оживет и отряхнетя ото льда и покровов Снежной Королевы. И все же он посетил этот сакральный спектакль и также посмотрел фильм, о котором составил свое филигранное и нежно саркастическое клише-оттиск.

И вот весь этот изнурительный год теперь давал о себе знать, и Цадик, совершенно обесиленный выпалил из себя 14-го февраля поздравления своей пассии. И далее рухнул в окоп своей лесной берлоги, хотя уж лучше бы он, наверное, рухнул в окоп любви и наслаждался сполна негой кипарисов и Платанов на Эгейском море.

Просфорка №2

Молодой мужчина сидел на скамье в электричке, с зелёным карманным томиком Вадима Шершеневича, он ехал в Москву в МХТ! Удивительное такое название эмхатэ, что-то типа побаюл, отдаёт чем-то японским, сфумато, ага, но, вот вполне приличный театр! Тапиоки он ехал, колеса поезда мерно стучали, он в дутой куртке, словно пузырь, каких-нибудь десять минут назад бродил по платформе, свежий зимний воздух, свобода, а до этого он, прогуливался у крыльца подъезда и ждал такси; «Где эти сволочи? – думал он, – я сейчас опоздаю, у меня электричка через двадцать минут». А Вадим Шершеневич, тем временем грелся у него в нагрудном внутреннем кармане куртки. «Господи! Я еду в театр! На любимую актрису, где эти скоты? Почему до сих пор нет моего такси?!» – он позвонил им уже ещё раз, и тетенька сказала, все в порядке, – машина уже выехала.

Но теперь это уже позади, куртка лежала свёрнутая рядом, и на ней сверху был брошен шарф; а он держал в руках зелёный миниатюрный томик Шершеневича и читал:

140. Головокружение душ

«Под серокудрую пудру сумерек – канавы дневных морщин!
Месяц! Скачи по тучам проворнее конного горца!
Вечер прошлого октября, ты навсегда окрещён,
В Благодарной купели богадельного сердца.

Не истоптать надоедной прыти событий,
Не застрелить за дичью созвучий охотящемуся перу,
Дни! – Никакой никогда резинкою не сотрёте
Торжественной ошибки октября.

В тот вечер красная вожжа закатов
Заехала под хвост подмосковных сел.
В тот вечер я, Гулливер в стране лилипутов,
В первый раз в страну великанши попал.

Все подернулось сном в невзрачном доме
И не знало, как был хорош
Неизреченный вечер во имя
Головокружения душ!

В этот вечер, как занавес, взвились ресницы,
Красной рампою губы зажглись.
Даже майские зелени невозможно сравняться
С этой зеленью свежих глаз.

Как гибли на арене христиане,

Хватаясь губами за тщетное имя Христа, —
Так с вечера того и поныне
Я гибну об имени твоему в суете.

...
...
...

Эх, руки Новые, хотя бы властью дьявола
Себе приделаю легко,
И вот кладу на пламя сердца руку, словно Сцевола,
Чтоб стала сгорета рука.

Ну, вот опять этот спор метафизический; а что без Христа, без дьявола не обойтись? Его теперь передернуло мысленно, так кому, кому пишет, имя ее?

Как папироской горячей, подушку лбом прожигая в ночи,
Сквозь зеленое днище похмелья,
Сумасбродно и часто навзрыд лепечу
Неистовое имя Юлии.

...
...

Как к солнцу Икар, к твоему возношусь я имю;
Как от солнца Икар, оборвусь и скачусь!
В последний раз встряхну я буйными строками,
Как парень кудрями встряхнет наавось.

...
...

Буквы сейте проворней, усталые пальцы.
Чтобы пулюю точку пистолет не прожог.
Ты ж прими меня, Юлия, как богомольца
Гостеприимный мужик».

И да, а там все шло как по рельсам, а здесь ему мужик нужен, оказывается, вот она горькая истина любви, – мужику настоящему нужен мужик! Это от грусти! От грусти, да, и руки у мужика тёплые, надёжные руки, сильные и тёплые!

Так он ехал и читал-читал, будто заново погружаясь в поэзы неизвестные. И потом, и потом.

И потом он припоминал теперь, что было после? Сначала он наряжал елку дома, отсылал ей фотографии, он отыскал на днях винтажного Деда Мороза, когда наряжал елку у отца! Вернее, даже не елку, он сходил с большим ножом за дом, и уже темнело, он прошёл к заборчику выцветшему из таких прутьев блекло зелёных, как ужасно эти заборчики напоминали ему те самые заборчики его детства, вдоль садииков, школ. И что это был ещё советский заборчик, судя по всему, а советские заборчики они все «на одно лицо», с изогнутыми железными круглыми прутьями! Так вот снег намёл сугробы, и ели в парке занесло, ветки были высоко,

и он прошёл к школе, за заборчиком росли молодые пушистые ели; перелезть через забор ему не хотелось, новую куртку можно было порвать. Поэтому он прицелился к елке, которая была близко к забору железному, чтобы можно было просунуть руки в прорехи забора и наломать веток. Так он и сделал, нож был длинный тесак, он слегка надрезал ветку, а потом ломал ее. Выходило легко, так он сломил несколько веток, и образовался небольшой букет. Этого было вполне достаточно! Ветки отнюдь небольшие, но довольно пушистые!

И вот он принёс это все, отдал отцу, отец был доволен, – запах, достал вазу и поместил их туда, они их украсили! И он в коробке с искусственной ёлкой нашёл деда мороза, сперва мышонка, зайца, снеговика, потом жёлтую курочку, и затем деда Мороза, и ещё одного! Винтажного он забрал себе. А аляпистого оставил отцу, и он его аккуратно привязал к веткам ели и спрятал в глубине куста!

Он читал в электричке Вадима Шершеневича, и поглядывал на свои пальцы, с крапинкой. Руки слегка жгло, это следы – он и себе нарезал веток для ёлки, припоминая это, как мёрзли руки в лесу, эта процедура была болезненной. Да, в случае с отцом он предусмотрел этот опыт, взял острый длинный нож; а сначала нарезал себе веток, в лесу вдоль дороги росли молодые ели, они были припорошены снегом. И он, выбрав себе молоденькую ель, стал пилить ножом ветки, нож был туповат, а ветки гибкие и неподатливые, иголки впивались ему в пальцы, снег осыпался, таял и леденел на дутой куртке, руки сразу замёрзли и покраснели; он едва срезал четыре длинных ветки, но ему показалось этого мало, и он, уже отошедши, вернулся назад, и волевым усилием, преодолев неприятие и боль в руках, отпилит ещё одну ветку! Теперь у него было пять веток, длинных, ветвистых с молодой сочной и мелкой короткой нежно зеленой хвоей.

Так вот он от отца привёз свою вазу, некогда приобретенную в подарок бывшей жене, и поместил их туда. Ветки были великолепны, молодой лапник. Он привёз пакет с игрушками, и винтажного деда Мороза, там было несколько старинных шаров, некоторые игрушки ещё с прошлого века! Остались от покойной бабушки!

Перед отъездом в театр, он попивал коньяк и под сборник хитов 80-х украшал лапник! Он пристроил Деда Мороза в центр куста, приладил несколько шаров, и привесил гирлянду, протянул ее через гардину к вазе с лапником и получились две линии электропередачи, протянутые параллельно и намотанные на куст. Он выключил свет и зажег их, цветные лампочки замигали, задрожали огоньки и забегали, словно электрические разноцветные и юркие мышки.

Пусть читает, она хотела в мою шкуру, и почему я молчал, все эти письмеца, все об одном и том же, все слащаво, все помпезно, как у паралитика с отрезанной конечностью! Пусть читает русского мужика теперь и плачет как рябинка; ох, рябинушка и впрямь настоящая, горькая, вкусенькая ишо, а ноги?

Вчера на сцену как вышла, в бинокль коленки рассматривал, – родные, советские, да, нашенские! Любимые. Вся напوماжена, наплюмажена, и ассистент хорош гусь, да, иностранное сквозит что-то немецкое, немецкий еврейчик. Бежал, сломя голову, думал, оторвётся башка, влетел в театр, что конь новогодний! Галопом, и цветов не купил, не успел, а там все спокойно, времени ещё вагон оказывается было, разделся, бинокль взял, бабушка такая участливая – возьмите бинокль, спектакль интересный, и как она догадалась, у меня что на лбу написано 18 ряд 16 место, до меня ведь никому не предлагала, а тут раз и предложила, вот бог все видит, даже глазами старушки насквозь тебя бог видит! Вот ведь как!

И там девочка такая у ворот моих, сразу так задержала меня глазами, такая спокойная, черненькая, азиатская какая-то. Но нет, же русская, разглядела дьяволёнка, а я уже не замечал, все внутрь в партер, и потом ведь мелькнуло, понравился ей, за полсекунды? Вот все мы одинаковые, все то у нас на подкорке, трахнутья; трахнутья всем вперёд надо, только никто не признает этого. Так я ее подозвал, справиться на счёт цветов, как дарят ли тут, она такая вся участливая – да, после третьего поклона, – говорю ей, хотел купить, – не успел. И она, –

в антракте успеете, двадцать минут антракт, – только билет возьмите с собой на всякий случай, и потом там обойдёте по кругу, там вазы стоят можно оставить, попросить, Вам принесет девушка. Все объяснила, вот такая умница, – держат Вас там всех как на привязи будто.

Спектакль и впрямь хорош, и бинокль в жилу пришёлся, хотя и не люблю суды, но вот возня эта, заседание, впился глазами как больной. Где же, где же моя королева?

Вышла! Вся в белом сперва, ножки цок-цокают, хороша, и волосы отрасли, а то были как у ягнёнка. Губы, рот, конечно красный как флаг, будет кривляться, думаю, вот она гламурная обезьянка моя ненаглядная! Но ходит ровно лошадушка! Вяжет сразу, завязала двух адвокатов, завязала их морским узлом для начала, и потихоньку подтягивает им усики к подбородку! Да, хорошо поют, со знанием дела своего театрального! Ловлю моменты, да, вот погружение свершилось! Свершилось!

И потом будто раз и также ушла неожиданно! Действительно «неожиданная» женщина. Час пролетел как один бой курантов, ни дать, ни взять! Курочка моя выпорхнула из гнездышка и вернулась обратно. И вот же за цветами нужно бежать, как гренадёру! Хорошо тут рядом все, все извечное, палаточка с хачиками, свои ингуши, да, чертовка «чеченский мужчина», это она по цветам определила?! Ну, чутьё у стервы не хилое, а как играет, с ней только об этом голова может работать, как, где и когда, везде хотеть, ей мясо надо сразу давать, и побольше, акула и есть, прям нефтяную скважину бурить, и качать золото оргазмическое, ну, и какая боль с этим сравнится? Это титанический труд и легкий вместе с тем, резонный! Бегу за цветами!

Взнуздал себя как гренадёр и лечу, пыль столбом гирляндная по скверам разлетается, от стремительности моей, ох, в этой куртке неужённой, как чемпион по греко-римской борьбе, только с ногами оленьими, быстрыми. Долетел до палатки цветочной, там черт мусульманин, с косым глазом, букетики в ряд, гляжу, хороши, говорит эти сверху по десять, что по десять? По десять тысяч, а вот эти два по шесть, прицел мой немного защемился сразу, как по десять? А сам про себя, вы офонарели тут? Были же по три? Ай, осекся сразу же – Новый Год! Сам думаю, думаю, время тикает – антракт, все букеты уже перерыл как бородавочник, а это что у Вас там – розы?

– Да! Почем розы?

– По 250 рублей Голландские!

– Слушай, давай роз на три рубля ммм, 12 штук?!

– Хорошо, двенадцать плохо дарить!

– Давай двенадцать алых и одну белую, – как паук заёрзал, стал вынимать розы из-под полы будто, за бутоны тянет, раз, два, три, сперва по несколько тянул, смотрю – листики будто обглоданные какие-то, сам сердцем опадаю, так из Голландии еле выжили, наверное, а на вид будто из под Сталинграда! Ничего, – думаю, прочувствует, да, и что цветы? Зато тринадцать со смыслом.

– Вам как завернуть? В прозрачная или в бумага?

– Давай в бумагу, дорогой!

Достал бумагу, упаковочная, будто бандероль выйдет, сердце опять опало, ну, бандероль Новогодняя с цветами, да, она даже не заметит, три тысячи выкинь и забудь! Ну, а как без цветов, смотрю на азера, а сам думаю, – подвели вы меня, братки, выкручиваюсь; до этого так гладенько все, а теперь? Розы из Сталинграда будто, бумага фронтовая! Вот она любовь по-военному! Наконец, завернул, со второго раза, что-то там резинкой уже прихватил, показал, мол, здесь стебель один, это белый роза! А сам думаю, и там чика, как дёрнешь, так и рванет букет как граната! И разметаёт сердце любимой на рыдания, и так спокойно так уверенно. Что ты! Розы брат!

Помог! Помог дорогой – поймёт любимая, поймёт все! Целовать его готов! Я же жить без неё не могу! А он спокойный, не замечает даже как будто! Сделал своё дело паучье! Взял деньги мои две бумажки синие, говорит по пятьсот только сдача.

– Давай, все равно мне! – а сам радостный, не взял за белую розу, тринадцатая роза в подарок!

Ну, и как водится назад уже полетел, довольный, будто успокоил себя, война кругом милая-хорошая-пригожая! А я тебе розы несусь! Голландские! Из-под Сталинграда! В бумаге фронтовой! Все по-честному!

Влетел, бабушка меня заждалась уже с биноклем, говорит, что-то я уже тебя потеряла, думаю, ушёл, а я с букетом, Розы!

– Ах-ах-ах искал-ходил далеко? А тут вон рядом есть дорогушие, по 220 рублей.

– Да, долго выбирал, фронтовые нашёл вот, бегу, бегу, – и полетел коньком-горбунком по ступеням театральным! На второй этаж!

Завернул сперва налево, как по стадиону галопом до ваз, сунулся – вазы на любой калибр, и все с водой уже; девушка так же там молоденькая имеется. Я с разгону, сразу глазомером вазу определил, и туда букет, значит, и воткнул как пасхальную лепту, а там воды уровень – сразу и утопил рукоять гранаты моей сердечной! Девчонка сообразила все, занервничала.

– Намочите! Уже намочили, – а сама аж искрится, будто фитиль положенный!

Вынул я-то сразу букетище своё, будто японское чудище, упакованное с присосками; и девка шустрит, воду уже отливает!

А рукоять мокрая у букета! Подмок!

– Надо отрезать!

– Если есть чем у Вас? – девчонка кипит, – думаю, – вы тут что «все не дотраханые!»

– Или оторвать!

Начинаю отрывать куски бумаги фронтовой, немного оторвал, остальное задрал в гармошку, смотрю на девушку, вроде успокоилась, как после оргазма! Задышала! Задышала родимая!

Поставил букет в вазу!

– Вы мне принесёте? 18 ряд партер, 16 место!

– Да, конечно, я принесу, – все-таки азиатка моя лучше, спокойнее добрее!

И вот уже, расслабился, сноровка! Хорошо, когда сердце тренированное, столько пробежал, от метро, и ещё столько же в антракте, девок перебаламутил, и неужели ей так моя шкура по нраву; ведь просила ещё! Просила! Да, люблю я тебя, люблю! Возвращаюсь на место, своё, там азиатка неприкаянная, глаза томные жалостливые, видно муштрует себя, держит, а места себе не находит, грустно, а у меня адреналин в ушах ещё хлещет струёй! Отдыхаю я душой, бедняжка; хорошая ты, хорошая! Молоденькая совсем! Ввалился в зал, занял место! Представление же вот-вот начнётся! Чую, упекут бедолагу!

Теперь он ждал его, Просфорыча, но тот будто уснул где-то на бэкстэйдже, и вот неохотно мелькнул его синий китель. Он мне кивнул, что пока все довольно гладко, однако, чуть заскучал, и потом поднял брови и расплылся в улыбке, типа продолжай, сынок.

ПЛИТЫ

Цадик словно растёкся по дивану болезненной красной массой, его тело пронизывала дикая боль! В левом боку будто вгнездился корень, который пронизывал его тело пополам, уходил внутрь его существа! Цадик определил это проблемное место, от него расплзлась ломота по левой части тела, и будто расколотый пополам этой жалящей болью, Цадик не хотел концентрироваться на ней, однако боль нарастала и застилала ему разум пеленой! Как было легко теперь обо всем рассказать себе, будто древний Титан, сражающийся со своим отцом, не имеющий поддержки от Геи! Земли!

Цадик будто умирал под этим тяжким бременем, этой выбранной свободой! Его левая половина тела, его левая рука и плечо ныли, будто надорванные, надтреснутые, и эта стекловата по всему телу впивалась огнём, Цадик перегрелся на плитах!

Он вышел до обеда в парк на прогулку, и увлёкся, ушёл на дальние лавки, захотел обогнуть озеро, у него было пару щепоток редкого ароматического табака, и он решил сегодня подлечиться! Да, он выкурил эти крошки и отправился вдоль озера по противоположному от пляжа берегу! Там были камни на дороге, он дошёл до них, сначала он брел по белым плитам кромкой вдоль берега, Солнце палило нещадно, и вот Цадик, ощущал больным плечом это тепло, оно вливалось ему в руку, в плечо, растекалось, приятным облаком окутывало его! Так Цадик добрался до камней, эти валуны, прямо на дороге рассыпанные, будто цветные и увесистые горошины, камни разной формы и размера, будто отмель древнего озера, Цадик наклонялся порой, брал в руку увесистый камень, бурый или жёлтый, серый или с вкраплениями кварца или марганца. Камни были различные, гладкие и шершавые, будто яйца неизвестных птиц! Это место сакральное Цадик сразу так и подумал! Место камней сакральное, и если вспомнить древние языки, камни могут многое рассказать!

Цадик гулял, он освободился от перегной мыслей, сверливших его мозг, он решил срастись с природой сегодня! Он гладил и рассматривал камни причудливые, и сам словно араб пробирался тропой вдоль берега, ища подходящего спуска к воде, чтобы позагорать и поплавать! Чёрные воды озера безбрежно плескались вдали, и Цадик нашёл это озеро теперь крупным и обширным. Дело в том, что пару лет назад, когда его чистили экскаваторами, то это было печальное зрелище, воды было мало, какие-то чёрные кучи земли высились тут и сям по безбрежному искореженному дну, следы ковшов и гусениц тракторов!

И Цадик с тех пор не плавал в нем, лишь однажды искупнулся на дальнем берегу! Он считал его грязным с тех пор, но вот прошло более двух лет и озеро преобразилось! Вода разлилась широко, и уболталась! И теперь озеро самоочистилось грунтовыми водами, теперь Цадик был настроен поплавать и расслабиться! И он нашёл пристанище поодаль, где начиналась просека к лесу уже, там также лежали белые плиты, новые плоские, с железными ушками, плиты были ровным воплощением детства! И теперь Цадик обосновался именно на плитах у самого берега! Разделся, и осторожно спустился в воду, и булькнул! Тело оказалось в томительной прохладце, его окутала приятная водная чёрная гладь, вода была тёплой, но внизу чувствовался ледяной холод, если глубже опустить ногу ко дну! Цадик поплыл нехотя и мелкими гребками, он не хотел утомляться. Плечо сильно ныло после работы, и левая нога, болел подъем левой ноги, она была перегружена, такие боли Цадик уже испытывал в детстве, когда перегоняешь в футбол, именно так болели подъемы на ногах, будто стальные обручи сжимали место над пяткой и к подъёму, болели натруженные сухожилия!

Цадик это все осознавал теперь четко, его тело будто раздираемое пополам болью, левая часть и правая, плюс этот полуослепший правый глаз, боль овладела левым боком, плечом, локтем и ногой! И самое время было устроить прогревания, что и собирался предпринять

Цадик! Плиты были горячи, они под прямыми лучами Солнца вбирали жар и задерживали его в себе!

И Цадик плавал с наслаждением и не спеша, он будто опробовал это озеро пока, ощущал его и все же, чуть он отплыл подальше, за пятку его будто схватила ледяная струйка воды из глубин озера, это ундины, подумал Цадик, здесь есть ундины, они его щиплют за голые пятки! И все же он повернул обратно, стоило ему напрячь организм, и он уже, как машина, как крейсер бороздил гладь в означенном направлении, руки работали широко и чётко, и словно механизм он становился компактным вытянутым, и боль уходила внутрь, пока тело вытягивалось струной и работало, боль, будто утихала! Но Цадик не хотел сегодня перенагрузок, он хотел расслабить мышцы и прогреть их на раскалённых плитах; это был коварный план, жариться на плитах в такую жару, однако Цадик почему-то именно этого хотел уже!

Тем более жара проникла в него не сразу, сперва прохладное озеро, плавание, и потом он уже выкарабкивался на берег как барсук! Устроился, прижав к себе корточка, так продолжал сидеть довольно долго! И опять лучи обжигали ему плечо левое и руку, терапия началась! Потом Цадик согревшись, решил окунуться ещё раз и ещё! И неизменно располагался на плитах, он лежал на них животом, или на спине, и горячее тепло проникало и добиралось до самых костей! Это было так нужно ему, так целебно, плиты впивались в кожу, оставляли вмятины и белые пятна бетонной пыли! Но Цадик только радовался этому, как ихтиандр на неизвестном материке, его красная кожа соприкасалась с бетонными плитами, и становилась белой, и Цадик радовался – умрут заодно кожные паразиты, эта процедура была полезной во всех смыслах! Хотя паразитов Цадик выдумал, но ему было приятно это наваждение с белой пылью, он был раскрашен как папуас!

Он располагался на плитах, и менял местоположение, когда плита под ним остывала, он перебирался на другую плиту, и продолжал дальше жариться на Солнце! Так он проторчал на плитах уже около трёх часов, его тело стало обвыкаться с этим новым состоянием, движения Цадика замедлились, он перестал модулировать ходьбу, просто брёл вдоль берега, он решил дойти до магазина, купить на этот раз холодного пивка, чтобы наверняка уже закончить свой мега отдых на мажорной ноте! Так он и сделал, четыре бутылка пива, немного семечек. Потратил около пятисот рублей!

Теперь Цадик желал жадно вливать в себя холодное пиво, да, пить вдосталь, и смотреть на колыхания воды, на заигрывания ветра с ней, рядом с ним стояла береза, и Цадик когда ложился на плиты прищуривал глаза, и наблюдал, как ветер колышет листья, как шумит дерево над ним! И вот он жадно осушил одну бутылку пива, и открыл вторую, но уже не столь резко, пил медленно теперь, грыз семечки, смотрел вдаль!

Вот она настоящая жизнь, это боль, адская нескончаемая боль под палящим Солнцем, плечо размякло, Цадик порой массировал руку и плечо другой рукой! И почему я должен умереть? Почему я боюсь? Чего? Там не было жизни, там не было ничего, там был пустой экран компьютера, ничего живого, ничего изнурительного, ничего настоящего, просто подделка! И каким образом эта подделка давит над нами, и более того, задаёт наши психореакции? Теперь была лишь боль узнавания тела, Цадик хотел бы его не замечать, хотел быть лёгким и стремительным как дельфин, и он временами срывался и плавал быстро, но выбивался из сил. «Раньше у меня было больше сил, тело было моложе, оно было закаленной!», – думал Цадик.

Размышлял он, хотя в следующее мгновение приноравливался и плыл довольно споро, и не выбивался из сил совершенно как древний атлет! Ничего не изменилось, Цадик всю зиму и весну ходил в бассейн! Его физические кондиции были хороши, однако вот плечо и неврология, это было плохо! Это психореакции на больного отца! Цадик считал теперь, что энергия уходит на отца безвозвратно, тот присосался к нему как спрут и не отпускает его, высасывает из него жизнь, он так высасывал жизнь из матери, пока она не умерла в мучениях и агонии! Он

так высасывает жизнь из Ирины, тетки дауна, которая просто не понимает, что с ней творится, он до полусмерти запугал ее, Цадик это наблюдал. Ирина, сама бодро справлялась с собой, сама ела и гуляла, ходила в туалет, могла даже нетривиальные суждения исторгать! Отец обозлился на неё, она была угроза его образу жизни, с ней нужно было гулять, разговаривать, он же ее запинывать стал ногами в туалет! Стал въедаться к ней под кожу, стал третировать ее, и в итоге она перестала ходить даже по комнате, он орал на неё, хотя за что? Она ведь инвалид, он был жестоким очень, а потом принимал вид благодетеля, вдруг начинал ее гладить, приговаривать: «ты мой ребёнок, ты мой зайчик», – и это ублюдство было нестерпимо! И физиологическая спайка произошла. Ирина, перестала ходить, стала лишь ничком лежать на кровати, потом у неё стали случаться припадки эпилепсии, ей назначили пить таблетки, она перестала контролировать испражнения. И отец, теперь прибегал к благодетели, он менял ей памперсы, кормил ее с ложки; и Цадик это наблюдал все с разбитым сердцем, с изувеченной душой, пошатнувшимся здоровьем! Он понял, что отец его давно не человек, он изверг, он переваривает людей заживо! Цадик чувствовал это его влияние, этот невроз отца, который ему передавался, его силы истощались. И он был вынужден прибегать к шаманским практикам. Да, он играл в лесу, порой барабаны и гармошки, он разминал больное плечо на турниках, в бассейне! Он сражался за род, эта родовая травма его обесточивала! И нужно было ещё работать, и помогать сыну, и тянуть это, Цадик разрывался на части! И тело свидетельствовало об этом, ему нужен был глубокий отдых месячный, но вот теперь лето под дудку отца! Это опять титаническая пытка и самоистязание, и ради чего, почему я вынужден убиваться за них? Задавал себе вопрос Цадик! Как-то он сказал отцу, что тот запугал Ирину, это психологические реакции, что она может и ходить и кушать сама, и попробовал ее покормить, и уже стало получаться! Как отец, взревел на него, что ты меня будешь учить? Я сам знаю, что с ней! Ты с ней будешь сидеть, никто о ней не позаботится так, как я? Она не может сама ходить, отец таскал ее за руки перед собой, и Ирина, упираясь на ногах, как на жердях, передвигалась вслед за ним! Отец понукал Цадика, он опустил морально очень сильно, и это была большая опасность для Цадика, это его опека над невменяемым отцом, который не осознавал, что происходит, хотя порой Цадик догадывался, что отец, все прекрасно понимает! Он так поступает, потому как он безнаказан, он считает себя жертвой, за Ирину он получал пенсию и неплохую, он был заинтересован в этих деньгах и «отрабатывал» это таким образом! Цадик попытался было вывести Ирину на улицу пару раз, погулять, даже поиграл ей на гармонике как-то, Ирина сидела на железных качелях и улыбалась, у неё было морщинистое лицо круглое как головешка, два глубоко посаженных глаза, волосы с проседью и спутанные, и вот Цадик играл ей. Он помнил ее с детства, когда она возила его на санях, забирала из сада, Цадик был маленьким, он просил Ирину бежать с санями, подгонял ее: «Быстрее! Быстрее! Ира! Быстрее!», – кричал он, и Ирина начинала семенить быстро ногами, она перемещалась как маленький ниндзя! А Цадик ликовал от восторга! Потом она выбивалась из сил и шла спокойно! Так они добивались до бабушкиного дома, где его ждали щи или рассольник или даже холодец! Баба Маша кормила внука вкусно и с душой!

И вот теперь Ирина, ей уже было за пятьдесят. Цадик раскачал её, словно ребёнка, на железной качели в парке. Неподалеку располагалась старого Советского образца школа. Вдоль железного забора тянулась щербатая дорожка, окаймляющая этот небольшой парк, с братской могилой неизвестному солдату. Цадик почему-то счел эту могилу неизвестному солдату, потому как имен на обелисках не значилось. Камень украшал венком искусственных цветов, монумент был выложен каменной плиткой, по сторонам которой были аккуратно высажены кусты можжевельника. Как-то осенью Цадик увидел за железным забором школы яблоневый сад, и он рассказал отцу об этом, тот год был особенно богат на урожай яблок, ветви яблонь гнулись к земле под тяжестью белобоких выпуклых плодов. И отец воспринял это событие, Цадик отважился нарвать ему яблок, он взял большой толстый черный пакет, и отец лишь,

посоветовал ему быть осторожным. Однако это было плевое дело для Цадика, и он лихо перемахнул через забор, тем более, Цадик очень быстро наполнил пакет, и были выходные, школа была закрыта, во-первых, а во-вторых, Цадик приметил, что яблоки просто сгребались в яму и гнили, их некому было собирать. Поэтому Цадик совершенно не опасался за свое нормативно фиктивное воровство. И все дело заняло каких-нибудь десять минут. Цадик с успехом перемахнул через забор обратно, предварительно просунув пакет в прореху под забором. И отец был доволен, однако засуетился, принимая пакет на кухне, и тут же сказал, что надо нарвать еще, и Цадик лишь усмехнулся его жадности, посоветовал ему справиться с этими сначала, отец хотел наварить варенья, там было пятнадцать килограмм яблок не меньше.

И вот Цадик играл ей на гармонике, сидя на траве рядом! И лицо Ирины круглое, и такое уже выщербленное, в морщинках от глаз и от век, она теперь улыбалась и спрашивала у Цадика: «Ну, что нравится? Нравится?» – что она имела в виду, она говорила, наверное, о себе и Цадик, глядя на ее уродливое доброе лицо, спутанные темные и волосы с проседью смотрел на неё и отвечал: «Да, нравится! Нравится!», – и он пуше поддавал на гармошке. Он припоминал детство: какой она была, какой стала, тогда она ещё могла что-то говорить, и даже ходила по парку. Однако это ненадолго было, отец ее сломал окончательно вскоре! У Ирины ухудшилось зрение, было видно, как ее трясёт от отца, от этих каждодневных страданий, навязанных ей им, его режима и казармы. Потому как теперь она не могла ступить и шагу без отца, настолько он в неё погрузился, он даже пытался контролировать ее физиологические процессы, нарушил личное пространство, просто горой возвышался над ней, с позиции благодетеля! И Ирина поняла, что ей его не одолеть никогда, он уничтожит ее! Отец почему-то так был упёрт в себя, в свое мнение, что не мог признать свою неправоту, он просто считал, тогда нужно убить оппонента, морально физически психически, если тот не согласен, и особенно, если это был близкий человек, автократия была полной!

Цадик, с одной стороны жалел его, но понимал, что тянет никчемный воз, не развивается, что сам в этой убогой нищенской каторге теперь! Ему было больно и обидно до слез, потому что все разворачивалось перед его глазами, его брат и сестра были в стороне от этого, а Цадик страдал сильно и видел это варварство и жестокость большого отца! Цадик старался быть участливым с ним, все же во многом его раздражение объяснялось его диабетической болезнью, асоциальные страхи и социопатия.

Цадик навещал их, он отчасти смирился и не думал уже о случившемся, и все же тело его рвалось на части порой! А отец был хитрым: он не напирал, временами был спокойный и добродушный. Однако в определенный момент, Цадик чувствовал это, при малейшей заминке его давил на здоровье, какие-то химеры сооружал в голове, пытался залезть в голову, залезть в нутро, спровоцировать страх, это был страшный человек, и это был все же его отец! И от этих атак его ментальных было трудно уберечься.

И Цадик к этому привыкал? Да, прискорбно, но отец со стороны своей родительской позиции был прав, он же не виноват, что общество сломало в нем здоровую личность некогда, и он не смог воспитать себя сам, скатился в это болезненное убудское состояние? А сын должен помогать родителю? Да, это сыновний долг! И Цадику эта моральная проблема не поддавалась! Он уже и жаловался сестре, и брату, сестра поддерживала его, однако отец, обозначал эту опеку рьяно! Постоянно будто боролся за неё, за каждый приход Цадика к нему, он боролся внутренне, психологически? Да, будто какие-то преодолевал бастионы, будто воевал с родным сыном за свою жизнь, здоровье, духовные силы! Цадик представлялся отцу успешным в чем-то, и он это не мог пережить внутренне, не мог смириться с этим, это было пустое совершенно не нужное соревнование, потому как Цадик от него хотел отрешиться, но основа его страдания была страшная и безысходная! И бог велел это терпеть! Помогать своему родителю.

И это Цадика угнетало, он помогал, сначала бескорыстно и получалось, что себе в ущерб! Но выяснилось, что отец теперь на безраздельную опеку рассчитывает, и это было трудно

морально? Да, Цадика угнетала именно эта неотвязная обязанность, ему несложно было помочь, но отец, эту помощь в какой-то кощунственный ритуал превращал духовного лизоблюдства! Это Цадика саднило сильно! Эта несвобода! И он порой ругался с отцом и уходил, но потом спустя время возвращался, чтобы его проведать!

И вот теперь Цадик прогревал своё тело, сидя на плитах, лёжа на плитах, он словно йог принимал затейливые позы на голом белом бетоне и впитывал ультрафиолет! Цадик осушил две бутылки пива, и вот опять полез в воду, совершенно неприхотливое купание, а на другом берегу разрывался пляж с детьми, гудел как улей! Дети барахтались в воде на другом берегу, кричали! Кричали! Радость, столько дикой детской радости! Цадик же бороздил небрежно воду неподалёку от берега!

И тело его станет как обожженная глина, сначала оно станет красным, потом приобретёт бронзовый оттенок и Цадик, такой атлетический и загорелый! Будет гордо прохаживаться по парку, пить напитки прохладительные! И будет отдыхать вдосталь, разгружать подкорку водой, Солнцем, плитами, болью, коньяком, табаком! Всем, что попадет в его руки, ему нужно трансформировать своё тело, нужно выровнять его, освободить от боли! Научиться перенаправлять болевые ощущения в правильные нервные импульсы! Наконец, жить! Быть свободным! Хотя бы вот таким трудным и каверзным путём, Цадик, будто бравадил опять перед самим собой, относился с презрением к боли, однако опасения его перерастать стали в страхи глубинные и с этим нужно было что-то делать! И бравада эта для отвода глаз, Цадика нужен был покой и глубокий сон и отдых! Такое положение его изнуряло! Отец, будто следил и радовался каждой его неудаче внутри, каждому промаху, он соревновался ожесточено, за деньги, за здоровье! И это было прискорбно! Лучший вариант для Цадика было оставить его и никогда не вспоминать больше о нем! Тогда, отец будет вынужден сменить свои приоритеты, однако он и к этому успешно приспособится, считал Цадик, потому что он уже на этом образе жизни три собаки съел! Он так привык обмениваться информацией со средой! И не будь рядом Цадика, найдёт способ существовать без него, от этого бессмыслие жизни Цадика было ещё горестней? Что по сути-то он не нужен отцу, и никогда не был нужен, что отец никого равным счетом ни во что не ставил! Никого! Кроме себя и ничего не добился, опустился и оскотинился, но продолжает стоять незыблемо на своём, и его никогда не переубедить, либо нужно безропотно жертвовать, либо просто уйти! Да, это будет удар для него страшный, но он справится с этим, а иначе все пустое, бессмысленное!

Однако в плане работы также был тупик метафизический теперь, да, был человек, который много-много лет действовал против Цадика и за его спиной, и не оставлял эти каверзы никогда, будто приклеил себе маркер к участку мозга, и неусыпно помнил об этом, – а именно, планомерно рушить жизнь и планы Цадика в городе! И с ним было мириться не менее сложно Цадика, потому как интерес финансовый держал Цадика, да, ему нужна была эта работа, и Цадик был упрям и в то же время понимал, что теперь это упрямство ни к чему не приведёт? Да, более того, оно привело уже к одной катастрофе, и Цадик теперь медлил во всем, да, он стал медлить, уверенность его пошатнулась сильно в своих силах! Хотя до сих пор он справлялся, но время на отдых значительно стало увеличиваться! И Цадик осознавал, что возраст не на его стороне! И ему нужны были взвешенные решения! Нужна была внутренняя опора, и он пытался ее найти в ней! В возлюбленной женщине, мудрой и сильной! Но разве мог он на это рассчитывать в полной мере?

Он не знал, он надеялся лишь протянуть время, все только и делают, что тянут время, кто-то удачно, а кто-то нет! Вот и все! И время утекает безвозвратно в конечном итоге! В конечном итоге, все исчезнет, и Ирина, и отец, и все! Ничего не останется? А плиты у озера будут лежать, и впитывать в себя лучи Солнца, и Цадик теперь учился у мудрых плит!

кудри на подушке

Цадик выскочил по тропинке из леса и направился длинными шагами к железной грязно зеленого цвета автобусной остановке. Его фидеры, перевязанные шнурком в одной руке, в другой – пакет с рыбацкими снастями, прикормкой, и единственной небольшой рыбкой!

Рыбалку пришлось прервать потому, как грозные лучи надвигались неумолимо, и вот-вот должен был хлынуть неудержимый ливень. Цадик был слегка расстроен, рыбалка не задалась с самого начала, вначале придя на место, он обнаружил мужчину с мальчиком, с сыном. Они разложили удочки, сын был маленьким, и отец просто привез его научить нехитрой ловле. Цадик сперва прошёл по берегу дальше, но не нашёл удобных подходов к воде, решил вернуться на своё обычное место, к непосредственному соседству новых рыбаков. Цадик все же решил половить рядом, тем более, вроде как компания эта была совершенно безобидной. Он разложился и забросил первый фидер, однако ему сразу показалось, что мужчина забрасывает свои кормушки на его сторону, Цадик решил бросать тогда чуть правее. И вот, он размотал второй фидер, смотал леску со второй шпули, и настроил катушку. Потом забросил посередине, не думая о соседе, и вот уже мужчина заявил:

– Ну, вот...

– Надеюсь, зацепя не будет, – засуетился Цадик.

Однако, спустя некоторое время, мужчина все же решил сделать перезаброс, и выяснилось, что тянет леску Цадика. Цадик также подтянул свою кормушку с крючками, и расцепил у берега их удила. И тогда Цадик попросил мужчину кидать чуть левее, но на это услышал:

– А вы прикармливали место это?

– И давно Вы тут?

– Уже три часа!

– Ну, там течение все равно прикорм сносит течением по обе стороны, – возразил Цадик.

А мальчик время от времени вытаскивал мелкую рыбёшку под присмотром и похвалами отца. Цадик, сразу осознал, что рыбак не хочет ударить в грязь лицом перед сыном, эти отцовские чувства, Цадик уловил в его голосе разочарование, что вот незнакомец, будет таскать теперь рыбу с его места, которое он прикармлил! Цадик какое-то время ещё попытался побросать в правую сторону, но рыбак его вытеснял все дальше и дальше, и рыбалка была невозможна. Тогда Цадик, все же не теряя терпения и вежливости, решил перейти на другое место, аргументировав это тем, что течение слишком сносит, и мужчина вроде как успокоился! Тем более оно было рядом, по другую сторону от делянки рыбаков. И вот Цадик переместился туда, с некоторой досадой, что не сообразил сразу так сделать и потерял столько времени теперь. Он перенёс рыбацкие снасти и забросил удила, а через какое-то время его соседи свернулись и ушли, Цадик успел поймать одного подлещика, и вот тучи надвинулись с востока, пришлось спешно собираться, не солоно хлебавши.

Выйдя на шоссе к остановке, Цадик увидел девушку в длинной юбке, стоявшую у края дороги, девушка одинокая с маленькой сумочкой и небольшим рюкзаком за плечами.

Она заметила его приближение, а Цадик, смерив ее взглядом, совсем не заинтересовался ею. Он прошёл внутрь остановки под крышу, и вот тут только рассмотрел девушку. Она была лет, наверное, тридцати, хотя тут сложно судить, с дивными кудрями до плеч, но одета довольно неприятно, в простецкой кофточке и внизу подола юбки, Цадик издали как ему показалось, заметил синяки на ее щиколотках. Все же, недолго думая, он решил спросить у неё сигаретку, чтобы хоть как-то завязать общение, да, и просто он захотел покурить. Девушка охотно угостила его сигареткой, но с долей опаски. А Цадик лишь добавил, беря в пальцы, тонкую сигарету:

– Женские?!

– Ну, вроде у сигарет нет половой принадлежности, – отозвалась девушка.

– Спасибо, – и Цадик вернулся на остановку.

Вот-вот должен был начаться дождь, а девушка стояла особнячком чуть в стороне.

– Не судьба сегодня половить рыбу, – заявил Цадик, – а откуда Вы тут?

– Из Веретьево, база отдыха, слышали о ней. Там так красиво погулять!

– Да, бывал там, там ещё зоопарк и платный пруд для рыбалки.

– Да-да.

– И вот одна там отдыхали?

– Да, отпуск, хочется порой отдохнуть.

– Из Москвы? – спросил Цадик.

– Да, жду автобус, вот-вот должен быть автобус. 415!

– А мой 55, – проговорил Цадик.

Девушка прищурились на него, его загорелые руки и коричневые ноги из-под джинсовых шорт, Цадик был чертовски привлекателен, однако девушка его опасалась. И вот хлынул дождь не сильно, а потом уже яростно! Девушка раскрыла зонт, но под крышу не шла. И Цадику стало не по себе, дождь усиливался!

– Да, идите под крышу же! Не съем я Вас!!

И только после этих слов, девушка отважилась и прошла на остановку.

– Эх, сегодня не судьба с рыбалкой, я бы остался, – выглядывал Цадик из-под крыши и пытался определить, насколько сильным будет дождь.

– Просветов не видно, похоже, это на полдня, – с досадой подводил Цадик.

– Приезжал тут как-то с сыном, у Вас есть дети? – вдруг спросил Цадик.

– Нет, – ответила девушка и поглядела на Цадика из-под загнутых кверху ресниц, и тут он увидел, что она довольно красива. Такие природные кудри, небольшие лисьи глаза, тонкие губы и небольшой аккуратный нос, бойкий и едва были видны веснушки, умное внимательное миловидное лицо.

– А сколько Вашему сыну лет? – спросила она.

Цадик призадумался слегка, и потом выпалил:

– Будет четырнадцать осенью, ой, они сейчас такие трудные, все в телефонах, мы приходили сюда, так он не вылезал из телефона, говорю ему, смотри рыба! А он боится оторваться, будто от телефона, только когда сел телефон он ожил, стал исследовать берег, насобирал земляники.

Девушка слушала со вниманием, дождь всю барабанил по крыше!

– А я хочу девочку! – вдруг слетело у Цадика с губ, – когда женюсь во второй раз то, хочу, чтобы жена мне родила девочку, у бывшей две девчонки, любят меня! Ну, от другого мужика, ходил с ними на пляж тут! Так они – дядя Цадик! Дядя Цадик! В общем, дядя-папа! У них папа уже в возрасте, тоже любит их, но им не хватает – так они на мне отыгрываются!

Девушка удивлённо разглядывала теперь Цадика, сверкая белыми ровными зубами! И Цадик теперь разглядывала ее лицо, особенно красивое такой искренней непредвзятой улыбкой!

И тут девушка тоже заглянула в свой смартфон:

– Яндекс показывает, через семь минут будут оба автобуса!

– А чем ещё занимались на базе? Читали?

– Да!

– А что читали?

– Томас Манн, слышали? « Волшебная гора».

– И про что? Какие-нибудь страдания невозможные? Да?

– Про больных, туберкулёзный пансионат.

– Слышал, но не читал из него ничего, к сожалению. Знаете, многие писатели из психиатрии пришли в литературу, ну, опыт общения с людьми с душевными расстройствами! Понимаете, например Эрленд Лу, норвежец, был психиатром сначала, и потом после сорока написал первую книгу.

– Я тоже пишу книги невзначай, – бросил Цадик.

– Но, там не психиатрический пансионат, а туберкулезный госпиталь.

– Понятно, – сказал Цадик уже больше равнодушно.

– А если не придёт Ваш автобус? Тогда можете доехать до Дмитрова на 55, а там пересесть на электричку! – ответил Цадик на свой вопрос.

– Нет, Яндекс показывает, он едет, хотя порой врет беспечно, – теперь она сверлила Цадика взглядом и улыбалась, – иногда лжет беспечно!

И Цадик на мгновение поймал себя на мысли, что не хочет ее отпускать! А хотел бы, чтобы она поехала с ним на его автобусе! Девушка была, несомненно, привлекательная и осторожная как птичка, и что-то было у неё на сердце, что-то она прятала! Может быть, если бы было больше времени у них! Но Цадик не узнал даже ее имени, вскоре подъехал автобус, и они попрощались!

Цадик дождался свой автобус, и всю дорогу думал о ней! И ему так легко думалось о ней, кто она? Почему-то одна отдыхает! Суетная Москва!

А дождь разошёлся не на шутку, и лил стеной! Стеной лил дождь! За окном автобуса!

Цадик даже снял майку, когда подъехал к посёлку, чтобы выскочить и добежать до остановки, не промокнув!

Цадик снял майку в автобусе, и манкировал теперь всех своим загорелым обнаженным торсом. Он выскочил под проливной дождь и перебежал дорогу, чтобы уже укрыться на другой остановке! На ней приютилась возрастная женщина, похожая на мурену!

Цадик решил переждать дождь. Водная стихия бушевала теперь, и он лишь взирал на барабанную дробь капель по асфальту! И тут дождь утих, пофыркал слегка и будто утих, и Цадик радостный выскочил и поспешил домой, но буквально отойдя метров сто от остановки, дождь влупил с новой силой, и Цадик был вынужден укрыться под могучей берёзой. И дождь опять лил стеной, берёза какое-то время защищала его, но дождь не прекращался, и дерево промокло, и с листьев стала капать вода на Цадика! Он оставался под деревом, все равно это было ещё укрытие, и под дождем он бы вымок мгновенно, а дождь лил не унимаясь! Такого ливня Цадик давно не мог припомнить, дождь лил, не унимаясь! И Цадик мок под берёзой!

Он даже подумать успел, что нужно было девушку пригласить в гости, да, он мог пригласить ее к себе, угостить ее жареной рыбой, которой наловил раньше, взять бутылку вина! Он немного сожалел, что это не успело просто прийти к нему в голову, время неумолимо, его не хватило, чтобы сблизиться им!

И хотя дождь заливал его, это было неважно уже, можно было бы взять такси от магазина, он бы сыграл ей на гармошке! Да! Он мог бы с лёгкостью развеселить ее и накормить, он мог рассказать о себе, подписать свои книги, рассказать, что пишет новый роман, но она уехала; а Цадик все равно как будто был счастлив! Он был счастлив, памятью об этом коротком свидании, таком мимолётном и простом! Между ними вспыхнула лёгкая искра!

И вот береза уже не спасала его, и как только дождь слегка утих, Цадик выскочил из-под березы и поспешил к своему дому! Дождь ещё сильно лил, но Цадику было все равно, он промок на глазах, шёл посреди луж и его кроссы вмиг стали мокрыми насквозь. Он думал о незнакомке, думал, что дома в холодильнике осталось немного водки, и он накернет, как придёт для сугреву, заварит горячий сладкий чай с лимоном.

Он так и сделал, и потом, уже сбросив мокрую одежду, он по ватсапу наговорил Ирине, однокласснице кучу всего! Он не выдержал! Он рассказал ей об этой девушке, о ее кудрях,

о том, как они встретились. И он даже имени не узнал ее, даже телефона не взял! Он просто орал в трубку под конец как больной:

– Ирене! Кудри на подушке! Кудри на подушке! Я хочу кудри на подушке!

Цадик как ребёнок причитал и не находил себе места теперь! Он нашёл телефон этой базы в Веретьево! И дозвонился до туда, он хотел выспросить про эту девушку, он знал, у них должны были быть номера клиентов, и больше, он знал примерное время, когда она покинула базу. Он даже придумал, что сказать и как все обставить!

Он позвонил и сказал, что неизвестная девушка оставила одну вещь на остановке, а они едва знакомы, и он даже имени ее не узнал и нужен ее телефон теперь! Однако, девушка на ресепшн, сказала, что не может ничем помочь, через неё проходит пятьсот человек в день, и если так это важно, то можете привезти эту вещь к ним, и если девушка объявится, то они ей передадут эту вещь! И Цадик осознал, он как ребёнок, девушка на ресепшн все поняла сразу с его слов, он даже солгать не может, красивая девушка уехала от него, и он как дундук упустил свой шанс! Но почему-то счастлив! Беспричинно счастлив!

Цадик был разочарован, но какое-то ликование затмевало все! У него только вертелось в мыслях теперь, – Кудри на подушке! Хочу кудри на подушке! Кудри на подушке!

Все теперь было неважно для него, его волновали только эти кудри, которые уехали в Москву! И до них теперь не добраться, и лишь смутные догадки, о ней, и он был счастлив! Счастлив одними мыслями о ней!

Ирене ответила ему вскоре, что девушку надо найти, кудри надо водрузить на подушку! И спросила, почему он не приехал на встречу выпускников в Питер.

На что Цадик лишь ответил, что ужа был в Питере у сестры, устал, скрывался от самого себя, хотя и планировал это мероприятие не пропустить!

И вот теперь рассорился с другом, не поехал на море! И единственно стоящего, что могло случиться в его жизни, это кудри на подушке! Что единственное, чего он теперь хочет в жизни, это кудри на подушке!

И что Ирене должна признать его музыкальный гений, потому как он сыграл нетривиальную композицию на электрофоно, и при этом так редко подходит к нему, без музыкального образования! Он выслал ей эту композицию также! И Ирене это очень улыбнуло! Она знала Цадика со школы, да, все девчонки были в него влюблены, да, и она не была исключением, и вот теперь ему было за сорок, а у неё двое детей и заботливый муж, и единственное, чего хотел Цадик теперь – это кудри на подушке!

МЫСХАКУ

Цадик к началу августа был уже в полном пароксизме от изнеможения. Запланированный отдых в июле сорвался, Цадик рассорился со своим закадычным дружкой Ваней вдрызг! Они не поняли друг друга, условились об одном, и Цадик уже подготовил себя к отпуску, но в последний момент они рассорились! Хотя Цадик уже нашёл машину с водителем, который ехал в Краснодар, и все же Здоровье его оставляло желать лучшего, и он усомнился слегка и пожаловался Ване на это! Но в целом действовал по оговорённому плану, и все же они не поняли друг друга. Ваня переметнулся к знакомой из Москвы, пригласил ее на тот случай, если Цадик откажется, и в итоге Цадик этим оскорбился, и ведь он не давал заднюю, а выяснилось, что Ваня все уже переиграл.

И вот в августе Цадик наметил себе Новороссийск и Широкую балку!! Чистое море, дикие пляжи и Солнце. Для Цадика это был долгожданный отпуск и целебный, потому что он разваливался на части в свете последних событий!

В поезде он ехал с семьёй из Твери, мама Анна, муж Олег, и две маленькие дочки, Вера и Алина. Вера была совсем крошка двухгодовалая, совершенно открытая и любопытная, проявляла интерес к Цадику, лезла играть и пряталась на верхней полке как домовенок Кузя, Цадик ее стал дразнить Кузей, а она, в свою очередь, его также, она повторяла за Цадиком, и это было очень забавно. Уже в поезде Цадик почувствовал успокоение, его будто мир отпускал, эти дразги в сетях, какие-то малознакомые девицы, какой-то сумбур жизни вне его, расстроенные планы, война, пошатнувшееся здоровье. Он стал приходить в себя, наконец, стал двигаться в сторону себя и того, что реально, насущно и необходимо. А ему был нужен отдых и море!

И вот Цадик ехал теперь на море, ему пришлось взять билет до Анапы, и оттуда уже добраться до Новороссийска и Широкой балки! Аня, подруга его молодости, влюблённая в него когда-то, посоветовала ему это место, и Цадик забронировал место в неброском пансионате еще дома, купил билеты заранее и в обратный путь!

Цадик добрался до места без особых хлопот, тем более времени было предостаточно у него, он прибыл в Анапу утром, и к обеду уже был в Широкой балке. Его встретила радушно хозяйка Ольга. Выяснилось, что на заселение он был одним из первых, номера только освободились от постояльцев, пансионат был полупустой! И Цадику достался четырёхместный номер в конце коридора на втором этаже, с узким окном, и видом на дворик с одной стороны, а с другой, на растительность и роскошные могучие каштаны! Цадик расплатился вперёд до восемнадцатого числа и аргументировал, что до двадцатого ещё решит, останется на два дня ещё, либо уедет к своей знакомой в Новороссийск, к Анне. В итоге, Цадик остался до конца в пансионате. Ольга, показалась ему с хитрецей, так изучала его пытливым взором, и Цадик задал вопрос, когда вручал ей деньги за проживание:

– Не воруят ли тут, нет ли бандитов?!

– Мы сами тут бандиты, – ответила Ольга, на что Цадик улыбнулся в ответ.

Обстановка его устраивала, это не был дорогой отель, нет, отнюдь, все такое Советское и простое, одноместные койки, такой лагерный стандарт. Но Цадику этого было достаточно, было бы море неподалёку, а море было и море великолепное. Цадику просто необходимо было выпасть из жизненной колеи, и он воспользовался случаем! Уехал один! Денег у него было немного, но вполне, чтобы спокойно прожить эти тринадцать дней. Цадик хотел успокоиться внутренне, просто пожить без каждодневной рефлексии внутренних переживаний! Да, отключить голову и поплавать, тем более что, ему так это было необходимо! Разрешиться от этих наплывающих переживаний по поводу отца, смерти матери, своего пошатнувшегося здоровья, и сетевых дразг, которые не сулили ничего определённого, теперь считал Цадик, он будто хотел оторвать этот груз от сердца, от себя и выбросить! Хотел освободить себя от этой

внутренней каторги, этих переживаний по поводу других людей, совершенно ему незнакомых! И так сильно повлиявших на его судьбу! Так сильно его вымотавших духовно, и Цадик определенно точно теперь хотел этой дикой свободы. Вдали от всех, здесь на берегу синего прозрачного моря, пусть с каменистым побережьем, с неудобными подходами к воде, неприхотливыми отдыхающими, сухим и жарким климатом, живописным побережьем. Так Цадик оказался в Широкой балке и на Мысхаку!

В первый же день Цадик облюбовал бетонный пирс, принадлежавший отелю на самом берегу, на общие пляжи Цадик был не ходок. Эта всеобщая суета и возня его напрягала, этот птичий базар, с зонтиками, с лежаками, где не было места одиночеству, где все громоздились друг на друге, пили, ели и загорали! Цадик не понимал этого, вернее, ему было не с кем это разделить, может быть, в шумной компании он бы и отдохнул и расслабился, но он приехал один, разделить с побережьем свою хандру, страхи и невзгоды. И вот вечером он уже на бетонном пирсе, громоздящимся над прибережными волнами на два метра, Цадик рад в глубине души.

Слева от него дикий каменистый склон, и там дальше выемка дикого пляжа Мысхаку, бухта затопленных кораблей, как он потом ее назовёт, а справа по побережью простирается общий пляж и лесной массив выше с белыми домиками и голубыми крышами на склоне, такими причудливыми и ровными, а за спиной плеск волн! Это красивое редкое место, и Цадик почти счастлив, он один, он выбрался, он без компьютера, без новостей, без погони за досужими бестолковыми подружками, от которых нет ни удовлетворения, ни покоя.

В джинсовых шортах и майке он наблюдает, смотрит на простирающееся море, и ему только это и нужно. Он раздевается, оставляет одежду на пирсе и спускается в воду по зелёным от водорослей ступеням, и вот он уже в воде! Вечер, свежий бриз и прохладная вода, Цадик плывет неприхотливо, едва напрягаясь, он скользит по воде, как ихтиандр, удаляясь от берега, и вот отплыв метров на сто, ложится на спину! Уже вечереет, начинают подбираться мягкие южные сумерки, на берегу разложены и дымятся костры; отдыхающие в палатках жарят мясо, кто-то просто сидит на берегу! Бетонный пирс едва заполнен, люди уже убралась в свои номера, и Цадик обзирает неприхотливый пейзаж, он знает, куда он наведается в недалёком будущем. Пирс отеля прибрежного его не задержит надолго, он доберётся до Мысхаку. А пока он просто наслаждается прохладной приятной волной в преддверии летних сумерек.

Море не агрессивное, волны едва качают его расслабленное тело, Цадик пытается ослабить плечевой сустав, он помнит об этой боли, и он будет стараться не перенапрягаться с плаванием весь отпуск! Будет контролировать себя, насколько это возможно! Для первого плавания достаточно, считает Цадик, и возвращается на пирс довольный, первая водная процедура прошла безболезненно. А на пирсе уже музыка, включили вечернюю музыку в отеле; пришла шумная ватага студентов, они фотографировались, шумели, даже пели. Цадик познакомился с девушкой молодой, имени которой даже не запомнил, она приехала с братом на машине и ей восемнадцать, и они уже уезжали на следующий день, много путешествовали, все так быстро. Цадик улыбался, ему было любопытно и так легко, и так просто. И не нужно было подбирать слова, ломать голову, казалось, говори ясно, смотри в глаза и ни о чем не думай, такая неприхотливая обстановка! Все-таки ее брат подошёл к ним, и Цадик с ней распроштался так же просто и легко, как и познакомился!

Теперь жизнь его отпустила, теперь с плеч что-то отпрянуло, трудное и вымученное, «можно пожить так эти пару недель, не думая ни о чем, просто так, пожить без страха будущего, без надежды», – подумал Цадик.

Цадик решил вернуться в свой пансионат, и по дороге заглянуть в магазинчик, он уже заходил туда днём, как приехал, и смутил молодую продавщицу, спросил, до какого часа они работают, и выяснилось, что магазин у дороги работает круглосуточно.

Теперь Цадик на радостях уже жаждал познакомиться с этой девушкой поближе, он влетел в магазин, и вот уже выпрашивал о пиве, Хадыженское, он попробовал его ещё в Анапе в столовой после сытного обеда, пока ждал свой автобус, и теперь увидел его там на разлив.

Девушка была улыбчива и молода, наверное, ещё школьница, подумал он, и вот Цадик, расспрашивая о том, о сём и мимоходом спросил:

– А подружки-то у тебя есть?

– АЙ, нет у меня подружек, – ответила бойко девушка и заулыбалась.

– Странно это, такая молодая, и нет подружек?

– Ага, и нет подружек, – ещё больше расцветала девица.

Цадик все же усомнился и счёл, что на этот вечер знакомств с него хватит, он купил заварную картошку и Сникерс с кофе и попрощался.

Цадик теперь довольный возвращался в пансионат, ему было все равно, заинтересовалась ли им девушка, это было нормально! Цадик теперь ловил себя на мысли, что он поступает вполне нормально, без расчёта, без мыслей о будущем, без памяти о прошлом. Он вдруг решил отказаться от этого, отказаться от анализа ситуации, он на море, и остальное лишь повседневный атрибут, он отдыхающий, слегка любопытный, нагловатый и голодный вот и все, что им нужно всем знать.

* * *

Цадик просыпался обычно около восьми утра, надевал плавки, и поверх джинсовые шорты, которые ему отдал брат ещё в Санкт-Петербурге, на брата они не налазили, а Цадику подошли, надевал майку и шёл на море, совал в карман пару сотен на какую-нибудь непривычную еду на обратном пути.

В этот раз он решил захватить с собой айфон, чтобы сделать фото камней, которые он обнаружил, пробираясь по каменистому побережью на Мысхаку. Цадик вдруг вспомнил сына и его желание из раннего детства, который как-то заявил, что хочет стать геологом. Все-таки Цадику было тяжело одному, и вот он сам себе задавал задачки небольшие, на этот раз была задача, сделать редкие снимки! И Цадик не прогадал!

Ну, во-первых, место было действительно редкое, и камни причудливые. Цадик добрался до тропы вдоль отвесного обрыва береговой линии, сплошь усыпанной камнями, их срезам, разломали и породами. Цадик достал айфон, и стал быстро делать снимки. Он выбирал необычный камень с рисунком или слоеными цветными пластами пород и тут же делал его фото, его подмывало то, что все ходят по тропе, и никто не видит этих шедевров. Цадик почему-то был уверен, это очень древние камни, он чувствовал это, потому как вкрапления были довольно нетривиальны.

Камни походили на доисторические сланцы, и их поверхности были столь различны по текстуре и цвету: одни были цвета обожженной растрескавшейся глины, почти гладкие, другие будто с соевым наслоением более поздним, третьи изрезанные и ребристые, вблизи их поверхность походила на рифлёные песочные барханы. Цадик, еле удерживая равновесие, изгибался и прыгал по этим каменным хаотическим нагромождениям, приседал на корточки под палящим Солнцем, чтобы сделать очередной снимок, ловил ракурс, и шелк! Солнце пекло, и Цадик торопился, порой снимок его не устраивал, и он делал другой того же самого камня.

Один камень походил на неправильной формы футбольный мяч, будто с бурыми продолговатыми шашечками вперемежку с округлыми светлыми песочного цвета краями. Еще попался темно серый камень, будто слежавшееся слоёное тесто, с рывтинами и пролежнями разной толщины, кривыми вертикально нисходящими прорезями, походивший на бороду древнего великана. Один камень по цветовой гамме напомнил Цадику лошадь, именно такая

расцветка почему-то вгнездилась ему в голову, на светлой кремовой поверхности разбросаны пятна, будто наслоения ириса.

Некоторые камни с золотисто огненными вкраплениями охры или даже латуни, с зернистой неровной поверхностью, расцветочными очагами по матово серой поверхности.

Попался камень с отколовшимися ровными ломтями, походившими на каменную ветчину. Цадик радовался, как ребёнок, он краем глаза углядел чей-то кроссовок, и не преминул сделать снимок останков обуви, судя по всему детеныша австралопитека. В одном месте на берег было выброшено дерево, разошедшееся с намотанной на корнях капроновой веревкой, расслоившейся, искромсанной и походившей на засохшую медузу!

В одном из камней Цадик обнаружил по краю рисунок перьев крыла птицы, выветленные, а в середине затемнение неровного слепка ее тела.

Некоторые камни, будто застывшая магма гранатовых оттенков с затейливыми огнями вкраплений, другие наоборот холодных тонов, будто обледенелые глыбы с серо-белыми неровными застывшими текстурами.

Цадик был ошеломлён таким изобилием форм и цвета!

Он скакал по камням в общей сложности минут сорок, за которые успел сделать больше пятидесяти снимков. Именно этот поход его на Мысхаку, на третий день пребывания был, пожалуй, самый богатый по интенсивности его геологических изысканий, больше к камням Цадик не возвращался.

Он добрался до бухты, берег усыпанный плоскими отточенными водой камнями, в основном серыми, но попадались и гранитного цвета, жженой глины и розовые. Цадик путешествовал в тапках, в этом заключалось некоторое неудобство, тапки-бабочка, ноги ёрзали и ступни скользили, поэтому сигать по камням в них было крайне неудобно, передвигаться по каменной черепице берега было немногим проще. Однако он добрался до мнимой середины небольшой бухты, люди попадались здесь нечасто, изредка сидела парочка, или небольшое семейство на берегу под зонтиком. Ближе к противоположному краю бухты Цадик разглядел навесы, и несколько палаток. Солнце его изнуряло, и он не дошёл до них, расстелил красное полотенце прямо на камнях, разделся и одежду сложил в пакет. Теперь можно было искупаться.

И Цадик медленно подобрался к воде, горячие камни врезались в ступни, прожигали его и ближе к воде распадались на мелкую гальку. Цадик ловил равновесие руками как зомби прежде, чем мог добраться до воды, и там, в воде также были камни, крупные и скользкие. Однако Цадик упорно преодолевал эти преграды, ему нужна была минимальная глубина, чтобы можно было отплыть. Таким образом, оказавшись в море, Цадик подседал и подобно древней рептилии полз по каменистому дну, пока, наконец, не оказывался на плаву.

И вот тогда, он ощущал свободу, – уплывать от берега, на несколько сот метров, нет, Цадик не уплывал далеко, плечо его все же беспокоило. Впереди в море километрах в трёх стоял рыболовецкий траулер, однако Цадик ограничивался лишь небольшой бухтой. Он доплывал до буйков, на которых зачастую восседали крупные птицы, чайки и альбатросы. Цадик бороздил бухту вдоль берега, море качало его, и он ложился расслабленный на спину и обозревал почти вертикальный каменный откос, окаймлявший бухту, и подмечал каменные слои и жилы, проходящие в каменных породах. С правой стороны бухта упиралась в почти отвесный скалистый остов, над которым вдали виднелся зелёный массив, это было величественно, там горизонт являл бирюзовые тона неба, прильнувшего к поросшей лесом горе, с другой стороны были общий пляж и коммерческая инфраструктура.

В море подчас Цадик наткнулся на небольшие слизни медуз, которые стаями дрейфовали к берегу, они были величиной с кулак, крупных медуз Цадик не встречал, а эти не сулили никаких неприятностей. Одну такую Цадик как-то выловил и опустил в банку из-под лечо, которую также выловила море, выброшенную туристами. Медуза была затейливая, и выделяла много пузырьков, находясь в банке, раскрывалась как зонтик и сжималась, шевеля округлыми

голубыми краями, мерцала капиллярами и мириадами тонких нитей, словно космическая плёрома. Цадик наблюдал за ней, сидя на гальке в воде, а потом выпустил в море.

В море Цадик обычно курсировал минут сорок, наслаждаясь видами, плескаясь в синей прозрачной воде, плавал вдоль бухты, ориентиром на берегу ему служило красное полотенце, разложенное на камнях. И потом возвращался на берег, также осторожно подступаясь к нему, выползал на каменистый берег.

Камни были горячие, Цадик осторожно ложился, на них, по несколько раз обжигая живот, отлипал от камней из-за нестерпимой боли, он терпел эту боль, чтобы, наконец, можно было улечься и получить целебное прогревание. И потом поворачивал голову в профиль, Цадик обычно доставал майку из пакета и прикрывал ей голову, так он лежал, распластанный на камнях, созерцал кайму бухты береговой линии, слушал прибой. Потом он переворачивался на спину, и также осторожно устраивался на раскалённых Солнцем камнях, лежал, обкладывал живот горячими камнями, это была терапия, это было камне лечение.

марионель

Марионель появилась внезапно в его жизни, словно чёрная пантера с берегов Слоновой Кости, хотя она была и вовсе не оттуда, она была из Гвинеи Бисау. В один из вечеров, Цадик, уже обжившийся, этот отпуск набрал обороты, и минула добрая половина. Цадик вальяжно порой попивал Хадыженское, сидя в беседке во дворе или на кухне.

Он также познакомился с молодой довольно ещё женщиной, которая приехала туда с двумя детьми и мамой. Ольга намекнула ему, что женщину эту оставил муж, и она страдает, и Цадик такой щеголеватый, загорелый и раскованный, ходил, играл на гармошке и быстро привлёк к себе ее внимание.

К этому времени Цадик уже жил какой-то бессознательной жизнью, вернее, он перестал придавать значение своим каким-то страданиям, страхам и надеждам. Он будто стал оправдывать ожидания окружающих, не боясь поплатиться за это, потому как вся прежняя жизнь была борьбой и ломкой с этими ожиданиями других, и его порой неспособностью соответствовать им и себе.

Здесь же, он будто школьник, да, совершенно как школьник играл роль беспечного ребёнка, волею судьбы выброшенного сюда на отдых! И все же он был слегка огорчён, потому как вот только он расслабился, пришло известие от сестры и потом отца, что умерла тетка, которую опекал отец. И это известие Цадика пошатнуло, он понимал, что жизнь неумолима в своём кощунстве, она отнимает дорогое и памятное, и в итоге она отнимет все. Цадик только отпустил от себя эти бесконечные переживания, и тут опять смерть, будто подстерегающая из-за кулис этого до жути странного и несбыточного спектакля.

Девушку звали Лора, она была по школьному сложена, с длинными стройными ногами, маленькой грудью и светлыми короткими волосами, обычно забранными на затылке в кулёк; с заострённым крысиным лицом и носом будто фрегат. Да, нос определено походил на корму фрегата! Женщина, совершенно непритязательная глупая и походящая больше на заблудшую козу с участливыми глазами, совершенно детская, и совершенно доверчивая.

Цадик, обычно разбирающийся глубоко в людях, сразу понял все это по первому облику ее, и все же он был теперь сам собой, да, и какое дело было ему на ее отношение, впечатление, образование. Теперь все происходило иначе, по неведомым законам флирта и места. И вот она вечером нашла его в беседке, принесла сама бутылку пива, и пригласила его выпить вдвоём, и поговорить.

Цадик не очень-то любил болтать, но согласился, все же они уже встречались и курили как-то её сигареты, потому что своих сигарет Цадик не имел. Лора была серьёзна и проста, и даже чем-то напоминала ему последнюю любовь, для Цадика вдруг все девушки стали служить прототипами его юношеских увлечений, он ловил себя на мысли, что этот план срывается. То есть эта модернизация психики срывается, он, будто переместился внутри себя в иное время, во время школьное, это было непостижимо, но Цадик утерял нити времени, он будто перестал жить внутренним паттерном экзистенциального отторжения! Он теперь лишь подгонял себя под новые рамки, раз девушке он вдруг интересен, тогда и она, стало быть, ему чем-то близка.

Лора же по-детски скучала, и Цадик ей показался вполне интересным, он декламировал какие-то музыкальные записи, свои романы, и был романтично несчастным. Лора инстинктивно почувствовала, что он крайне закрытый внутри, и здесь лишь распространяет какое-то напускное бахвальство! Но по своей глупости природной или может мудрости, ей в этом было не разобраться никогда, тем более Цадик поведал ей о каких-то увлечениях, которые так, вроде бы все и ничего на самом деле! И вот выпал в это время, где он это совершенно иное существо, а Лора была искренна в своей грусти, она была проста! Бывший муж ее был

придурком, скорее всего, и просто ушёл к другой, просто ему надоело, сказав, что «дети все поймут, когда вырастут», он оставил ей квартиру, за которую Лора сама выплачивала ипотеку, и был таков. И Лора теперь пыталась это осмыслить последние полгода или год. На детей денег он не выделял, вся эта банальная история Цадика совершенно не тронула, да, и как это можно было понять, единственное что, молодая женщина грустит. Лора не заботилась особенно о внешности своей, не красилась, она как фрегат ходила, будто по струнке в своих едва свободных голубых шортах, из-под которых мелькали белые худые ноги, в светлой майке, была совершенно небогата и молода. Единственное, пожалуй, что эта естественная непорочная Российская обыденность, в которой женщины под тридцать и за тридцать выглядят как школьницы. И Цадик, вывалившийся из времени своего угодил в поле ее зрения.

И этот вечер сухой и южный, спокойный и легкий, Цадик стал, как маятник притягивать внимание девушек и женщин, он уже успел заморочить молодую продавщицу небрежно и деловито с детским шармом, и ему было наплевать, что ее он, наверное, втрое старше. Цадик перестал считать возраста? Абсолютно, он считал только свои убывающие копейки, на которые ему, по сути, также было наплевать.

Жизнь это совершенно иное, Цадик хотел облегчить голову максимально, так как перед отъездом воля его была на пределе, и сюда его буквально выбросило, выкинуло как одинокий потерянный корабль!

И вот сидя с Лорой на кухне, говорить по существу было им не о чем, какие-то темы были перебраны раньше, и оставалось только грустить душой и ждать знаков! И в это самое время вдруг из тьмы вынырнула Марионель, в каком-то леопардовом одеянии, эта африканка нежданная грациозная и колоритная, и Цадик мгновенно отреагировал! Такой прилив эндорфинов давно не посещал его мозг:

– Привет, – Цадик с любопытством наблюдал за ней теперь.

А Марионель, будто выныривала из сумерек, сперва ее руки и голова с пучком мелких извилистых кос, забранным в хвост и потом ее улыбка и белые ровные зубы. Она что-то собиралась готовить.

– Привет, – отозвалась едва басовито она и смерила их с Лорой быстрым взглядом.

И опять исчезла во тьме! И вдруг появилась!

Лора слегка занервничала, и все же ей была любопытна реакция Цадика на африканку, он будто ожил теперь, и электричество разлилось по воздуху, казалось, проскользнула искра, и от разряда тока загорятся их волосы.

Африканка уже эклектично успела занять место, это был аттрактор и маркер номер один, Цадик оказался в этом электричестве молниеносно, и все что он потом делал или думал, непрерывно было устремлено к ней!

– Тебя зовут Мари? – Цадик услышал это имя уже в коридоре, Ольга окликала ее, – а как полное твое имя?

– Марионель Зузе Медишь Перейра, – она почувствовала его интерес сразу же.

– Черт, я не выговорю это, ты здесь? – Цадик улыбался, не понимал, о чем можно ещё было спросить ее, он хотел что-то говорить, – что ты делаешь в России?

– Я здесь на работа, – она говорила на русском с погрешностями.

– Откуда ты приехала?

– Из Ульяновска.

– Ты там работаешь?

– Нет, учусь на третьем курсе!

Цадик еле сдерживать мог восторг, столько внимания, столько везения.

– Так тебе двадцать лет?

– Нет, – улыбнулась Мари, – тридцать четыре.

Цадик был снова поражён, ей нельзя было дать двадцать, конечно, но тридцать четыре и подавно! Было совершенно не определить ее возраст!

– Ты очень привлекательная, Мари! И я бы тебе дал двадцать лет! Ты очень молодо выглядишь!

– Спасибо.

– А тебе? – по пацански уже вопрошала Мари.

– Мне сорок два, – улыбался Цадик, – ты тоже молодой, – Мари округлила глаза, – нет, ну тридцать пять, больше нет.

– Да, я молодо выгляжу...

Мари это уже забавляло не меньше, и она лишь поглядывала на Лору теперь, которая, будто дитя теперь оценивала соперницу!

– Ты из Африки, откуда? – не унимался Цадик.

– Из Гвинеи Бисау, – Марионель говорила с акцентом, и Цадик не понимал, он не знал этой страны.

– А какой твой родной язык?

– Португальский, в Гвинеи португальский родной язык...

– Здорово, – Цадик стал припоминать, что он знает из португальского, и выпалил, – Мари, ты Бонита! – Мари, сверкнула, казалось, всеми зубами из тьмы!

– Спасибо, – явно не ожидала она.

А Цадик теперь был довольный как слон, он был уверен, Лора не поняла его комплимента.

– Ты слышала, Лора? Она из Гвинеи...

– Как ты сказала, Мари?

– Гвинея Бисау, – Мари говорила басовито и быстро и Цадик не улавливал.

– Есть Папуа Гвинея, а это Гвинея Бисау, – пыталась объяснить Мари.

– Папуа Новая Гвинея?

– Да, – закивала Марионель, – а я из Гвинеи Бисау.

Цадик поворачивался и обращался к Лоре, совершенно непритязательно и безобидно! Он будто говорил ей, смотри это африканская девушка! Просто она горячая от природы и все! И Лора также уже была горячая, без тени вызова, она лишь взяла ситуацию под свой контроль:

– Сходи лучше за пивом, мы все допили!

– Хорошо, и как же Вас тут оставишь теперь?

– Иди уже! – Лора, теперь сверлила его пристрастно взглядом, а Цадик будто и рад был обратиться, будто все дело теперь в шляпе, и завтрашний отъезд Лоры, потому что теперь ее смежит Мари, и Цадик был весел и полон каких-то новых надежд! И Лора откровенно прискучила ему, но Мари это совсем другое, это другой потаенный и загадочный мир!

Цадик выскользнул из летней кухни под навесом гонимый каким-то неведомым счастьем! Вдруг так быстро жизнь переключилась в другой формат! Его мысли теперь были о Мари, её грация, точеная фигура, ровный разворот плеч, подтянутый живот и талия. Цадик определил эту тяжеловесную изящную грацию моментально, она была будто с африканских статуэток, увесистые бедра и тонкая талия, и голова-ананас!

Цадик теперь спешил в магазин, и дул в гармонику, попутно оживляя сонный ландшафт и редких прохожих, было уже темно. И кто? Кто будет в магазине, чья сегодня смена? Цадик был не прочь и там пофлиртовать, в последний раз он наткнулся на Машу, и оказалось, что именно та девушка, другую, которую он вопрошал, его обманула, так вот теперь была ещё Маша, столь прекрасная миледи, а другая? Цадик в прошлое своё появление все выяснил, другая была Эльвира, Цадик ворвался в магазин и довольный прошёлся, разглядывая снедь и напитки! И вот он уже совершенно обиженный набросился на первую свою жертву, со словами:

– Так ты меня обманула, у тебя есть подружки, как выясняется! Это невероятно так водить меня за нос! – Цадик решил включить свои актерские способности и вывести всех на чистую воду.

– Да, это Маша, второй продавец, – девушка улыбалась, как будто ни в чем не бывало, её голые руки по локоть мелькали с бутылками, всем видом она была занята.

А Цадик прошёл в центр зала и уже выбрал момент для новой атаки! Как вдруг услышал:

– Вас обманула эта девушка? – какой-то худощавый старичок прищурил один глаз.

– Да, она совершенная бестия, скрывает от меня своих подружек!

– Это моя дочь. А Вы кто?

Цадика распирало теперь, и он не растерялся, и как же зовут Вашу дочь, я так и не смог выяснить?

– Эльвира! Моя дочь, мы из крымских татар! – гордо он обратился к Цадику.

– Эльвира! Что тут происходит?

– Папа! Иди уже! – кричала в расстройстве Эльвира!

Цадик же переориентировался на Машу теперь, его щегольская улыбка подкупала всех, он лавировал вдоль витрин и будто, предвкушая её удивление, хотя Маша была совершенно аморфная, словно египетская пирамида! Цадик сменил угол атаки вновь:

– Так ты, стало быть, Мария?

– Да, а что?

– Знаешь, моя первая любовь была Мария, я был сильно в неё влюблён, – однако это не возымело на неё никакого эффекта. Тогда Цадик продолжил:

– Ей не подходит это имя, – слегка он кивнул в сторону Эльвиры.

– И какое тогда? – спросила Маша безучастно.

– Рокси! – тут же вставил Цадик.

И вот теперь Маша улыбнулась, а Цадик и тут сорвал маленький бонус.

– Вы будете, что-нибудь брать?

Цадик в тот раз взял Сникерс и заварную картошку. Цадик был непринхотлив в еде, он питался салатами из свежих овощей, порой брал себе армянскую окрошку, но это днём после купаний.

В этот раз он определено спешил за пивом! Хадыженское на розлив, и какая-нибудь закуска к нему. В магазине встретил его Артём, рыжебородый с таким же хитрым знакомым прищуром, Цадик как будто невзначай спросил:

– А вот та девушка Эльвира, ты знаком с ней?

– А, да, это малая, – и Цадик тут же сообразил, что теперь точно знаком со всех их семейством, ему бы позавидовал сам Джеймс Бонд, потому как все семейство так и не было с ним знакомо!

Однако, Цадик, уже решил, что на сегодня программа, довольно означенная. Он заказал два литра Хадыженского, и в качестве закуски взял рыбки соломкой.

И ещё Цадик взял пластмассовый стаканчик мороженого для Марионель, это было самое дорогое мороженое из ассортимента, и на кассе Цадик, прыснул Артему:

– Я не ожидал, эта Мари, представляешь, я ей дал двадцать! А ей тридцать четыре, она из Гвинеи Бисау!

– А да, есть такое, они крепкие, – заулыбался Артём.

– Это дорогая шоколадка! – не унимался Цадик, пряча мороженое в пакет.

И пулей выскочил из магазина, теперь-то уж он точно все сделал правильно, жизнь ему улыбалась, подбрасывая один сюрприз за другим!

Он вернулся в летнюю кухню, где также спокойно в профиль его ожидала Лора, без искушения, без церемониального флирта, она, будто из небесной бухгалтерии совершенно точно знала, какой сценарий оптимальный, и вся эта суета Цадика совершенно ее не задевала. В кори-

доре Цадик наткнулся на Мари, и снова разряд электричества пробежал по его телу, он достал мороженое и вручил его ей со словами:

– Мари, ты – Бонита!

– Спасибо, – отблагодарила его Мари и даже перекрестилась!

Цадик заметил, что она крестилась, в Гвинее Бисау официально было признано христианство! Мари была верующая! Этот факт также Цадика наводил на определенного рода размышления.

И вот он уже с Лорой, которая его не распяляла, с ней можно играть словами на бильярде часами, и не один мускул не дрогнет на ее лице. Цадик определенно не мог в неё влюбиться, и Лора чувствовала что-то иное к нему. И это что-то было сострадание, Цадик был будто заведённый последний час, и эта энергетика, это африканка, какое-то сродство душ! А Лора жила в своей геометрии, совершенно отрешенной. Цадик достал пиво и рыбку, разлил по стаканчикам пиво. И вот только он уселся и слегка успокоился, как Мари подошла с тарелкой плова и угостила его:

– Это вам!

– Спасибо! Это ты приготовила?

– Да, – Мари, совершенно ласковая, с открытой улыбкой и тёплыми тёмными глазами, будто чёрная вишня, с таким изяществом наклонилась и поставила перед ним еду!

Цадик был уже сражён, а Мари пригляделась к Лоре, на тарелке было две вилки. Лора отказалась от еды, но Цадик уплетал, не веря своим глазам! И это было неожиданно и так вкусно!

– Лора! Ты зря не попробуешь!

– Спасибо, я не голодна! – Лора с лёгкой улыбкой смотрела на Цадика, который ел с аппетитом.

Так они допили пиво, Мари ушла, попрощалась с ними и отправилась к себе.

Лора

Лора теперь желала прогуляться, доселе она была осторожна с Цадиком, пыталась все же его изучить, но это было непостижимо для неё совершенно, она осталась на какой-то своей отметке подростковой, вышла замуж, родила детей, но мужчин толком и не знала! Цадик же скинул двадцатник, и вполне теперь ей соответствовал. Лора хотела дойти до моря, даже искупаться, и Цадик охотно её поддержал, по пути они завернули в магазинчик, Лора настаивала, чтобы он купил презервативы. Однако Цадик, зайдя в магазин, все к тому же Артему, сразу сказал ему так:

– Давай, я спрошу у тебя, а ты скажешь, что этого у тебя нет!

– Да, а что?

– Понимаешь, она чокнутая, я не хочу, поэтому я спрошу, а ты скажешь, что у тебя их нет?

– Ну, хорошо, чего нет?

– Презервативов!

– Аха-хах, – заулыбался Артём, – нет, презервативов нет!

– Спасибо, приятель!

– Может быть, что-нибудь ещё?

– Нет, все!

И таким образом, Цадик вышел к Лоре из магазина без презервативов! Лора слегка расстроилась, но все же море их манило, было уже поздно, хотя и не совсем. Они дошли до пляжа, спустившись по дороге к общему пляжу, там были ещё люди, пара с детьми занимала лежак под зонтиком, две женщины курили и лениво прогуливались у бетонной придорожной стены. Цадик с Лорой присели на камни у моря! Море было великолепно, небольшие волны, и огни рыболовецкого судна вдали, звездное небо над головой, у них было пиво с собой ещё и чипсы! Лора хотела выпить, Цадик не препятствовал ей, они сидели у моря пили пиво, курили, разговаривали, Цадик ел сухую картошку.

Цадик не мог припомнить такое, даже с Таней, у них не было этого, а с Лорой было теперь! Эта подростковая глупая картинка из прошлой жизни. И Лора была так наивно глупа, так обворожительна теперь, они о чем-то говорили, даже спорили, Цадик её останавливал, это было курьезно! Она лезла к нему целоваться как малолетка, и они целовались, целовались, целовались. У Лоры были тонкие губы, маленький аккуратный рот, и Цадик, будто продирался к ней в рот своим языком, будто учил её даже этому! И в этом совершенно не было страсти, азарта или нерва, Цадик и себе теперь поражался, какого черта они делают! Но Лора, захмелев, стала совсем смелой, она захотела искупаться, захотела, чтобы Цадик разделся, она стала расстегивать ему ширинку, пыталась стащить с него джинсы:

– Лора! Я не хочу! Отстань!

– Пойдем купаться! Ну, пойдём же! – Лора настаивала!

Она залезла на него сверху, села на него и повалила на спину, теперь они целовались лёжа!

Цадик не мог сопротивляться ее напору, и откуда в ней столько сил, думал он.

А Лора уже отпрянула от него, и опять пыталась расстегнуть ему шорты и стащить их!

– ААаа, – ревел Цадик, – Лора, прекрати, здесь дети! Смотри там дети!

– Где?

– Да, вот же тут дети рядом, – действительно метрах в двадцати от них были родители с детьми!

Но Лора не унималась, она хотела непременно его раздеть! Цадик держал руку Лоры, не давая ей бесцеремонно себя раздевать! Две женщины за их спиной наблюдали это сумасшествие! И Цадик в шутку закричал:

– Помогите! Помогите! – Сквозь смех взывал к ним Цадик, но женщины отделились и решили не вмешиваться! Лора же не обращала внимания ни на кого!

– Ну, ты тюлень, – обиделась Лора!

– Что ты творишь? Люди кругом, дети вон рядом!

– Да, никто не смотрит на тебя!

– Лора я без плавок, в трусах стремно купаться!

– Ну, и что! Я тоже в сорочке!

Цадик встал вдруг резко, достал гармонику и сыграл в звездное небо шаманскую партию, которая устремилась в чёрный космос, обозначив их пространство!

Лора сняла шорты, и блузку и оказалась в короткой сорочке и трусах. Она подошла к воде, и Цадик рассмотрел её фигуру, худые ноги, талию развёрнутые по-женски бедра. Лора была хороша, она как дитя полезла теперь в воду, все же осторожно, дно было усеяно камнями! Она плюхнулась и осторожно поплыла, Цадик все так же сидел, наблюдал за ней, а Лора, отплыв, повернула назад, и потом встала, сорочка прилипла к её телу, к её школьной маленькой груди! Лора в пароксизме радости вскинула руки в звёздное небо, и раскачивалась теперь по сторонам!

– Иди сюда! – звала она его.

И Цадик не выдержал! И стянул чертовы шорты с себя, майку уже сорвала с него Лора! И он присоединился к купанию, вода была тёплой, море спокойное! И Лора сразу его притянула к себе, чтобы и здесь целоваться! Она была неугомонна! И Цадик саднил ноги о камни, но целовал её! Носил её на руках по воде словно фрегат, и Лора была счастлива, так по-детски счастлива теперь! А Цадику с гуся вода!

– Ты довольна?

Лора молчала, и только кивала, улыбалась и кивала головой теперь как ребенок. И так они выбрались на берег! Выкурили по сигаретке, сложили мокрую одежду в пакет, оделись и решили вернуться в пансионат! На обратном пути все-таки Лора заглянула в магазин, и купила ещё две банки пива, хотя Цадик и просил Артема не продавать ей пиво! Но Артём сказал:

– Ну, раз девушка платит.

– Ты не понимаешь, – взмолился Цадик!

– Нет, я понимаю, брат, я понимаю – шурил одним глазом Артём!

Они покинули магазин, и Лора теперь с укоризной посмотрела на Цадика.

– Вот ты какой, свинюк.

Цадик лишь улыбнулся, притянул её за талию к себе:

– Да, я свинюк, и не лучше остальных.

– Я завтра уеду, и побежишь к африканочке?

– Не знаю, она красивая другой красотой.

– Понимаю тебя, – пихнула она его в бок!

Цадик все же был слегка напряжён, будто что-то его держало, Лора была по-детски не притязательная, словно пёрышко из школьной тетради. И немногословна, и Цадик, будто выпадал из какого-то школьного романа, нити времени теперь вот так им распорядились!

Они неспешно дошли до пансионата, калитка уже бала заперта, и им пришлось перелезть через ворота. Цадик подсадил Лору, и потом со спортивной сноровкой перемахнул сам через ворота.

Лора хотела ещё попить пива на улице, но Цадик не хотел уже пить, они поднялись к нему в номер!

Лора присела на одну из коек, и Цадик сел рядом с ней на корточки!

– Ты не устала?

– Нет, ты не даёшь мне выпить, отнял сигареты.

– Да, – Цадик теперь гладил ее бедра, он хотел снять с неё майку, но Лора не позволила ему, Цадик чувствовал эрекцию, ему было немного курьезно, он встал. И теперь Лора расстегнула на нем шорты, стащила их, трусов на Цадике не было! Она взяла его член в свою узкую ручку, сделала стимуляцию, и потом продолжила ртом.

Цадик смотрел в чёрное окно перед собой, как в зеркало, не сопротивляясь, член сразу набух, он почувствовал ее упругий рот и небольшой язык.

Лора делала это не показано, с желанием, нежно и осторожно Цадик не мог ей сопротивляться, какой-то её схеме, она работала сама по себе и все. Все же он отпрянул:

– Подожди, я так не хочу, я надену презерватив.

И Цадик отошёл к сумке, покопался, достал презервативы, долго не мог разорвать упаковку, потом все же ее разорвал, разодрал ногтями. Эрекция уже пропала, выпитое пиво ему все же мешало, он вернулся к Лоре, лёг на кровать, раздел её. Теперь ее маленькая белая грудь была в его ладонях, он поражался этой школьной груди, массировал её и гладил, но его член слег и не поднимался, он словно подбитый осколком солдат.

– Подожди, – говорил он Лоре, – подожди, – однако Лору это будто и не беспокоило вовсе.

– Ты напряжен, расслабься, – и Цадик перевернулся на спину, а Лора продолжила стимуляцию, ещё и ещё. Опять ртом глубоко, член набух вновь, Лора распалась, ей нравилось это ощущение, эта власть над ним. Цадик пропах морем, и Лора вдыхала эту Соль, вдыхала и говорила:

– Ты такой вкусный сейчас.

Цадик чуть сжал пальцами член у основания, он ещё больше напрягся, и Лора вновь его приняла в свой упругий рот.

Улыбка скользнула по изможденному лицу Цадика, какая-то непонятная никому судьба, изломанная его жизнь, и вот теперь он здесь с этой совершенно незнакомой молодой женщиной, которую знает три дня, которая уедет завтра, и, скорее всего, они никогда больше не встретятся.

– Вот не нужно было меня спаивать! – Цадик теперь негодовал, перевернул ее легко на спину, впился ей в бедра руками, и попытался войти в неё, Лора была тугая, и Цадик не удавалось, он опять обессилел.

– Ни черта не выходит, – подвёл Цадик, – ну, и что мне все равно хорошо, – Цадик хотел побеситься, но и на это нужны были силы, а он столько эмоций растратил! Тогда он стал целовать её грудь, потом прикусывать слегка соски, Лора, была холодна, и все же Цадик пытался её разжечь, в ней будто не было огня, она делала все по школьной линейке, по своей схеме, возможно, не выпей столько Цадик пива, а он выдул, наверное, литра три. Но это было немного для него, Цадик, все же растормошил её. Он гнул ее как упругую тросточку, и потом запустил два пальца в утробу, нащупал край лобной кости, и стал качать как малышку! И Лора обмякла, застонала еле слышно. Цадик всматривался в её запрокинутое лицо, потом целовал белую шею. «Такая холодная белоручка не прошибаемая», – думал Цадик.

Уже была глубокая ночь. Цадик это уже прискучило, он захотел спать, высвободил её, бледную, едва потеплевшую в его сильных руках. Цадик уже думал о Мари, об этой эбонитовой совершенно иной жгучей красоте, от которой возгораешься сразу, пропитываешься электричеством даже на расстоянии, к которой страшно прикоснуться.

Лора неспешно оделась, и потом не хотела так уходить, позвала его с собой покурить, было около четырёх часов утра, и Цадик, все же расстроенный собой, отказался, выпроводил её.

И только лёг, через минуту услышал стук с дверь.

– О, черт, Лора!

Он встал и открыл дверь.

– Моя зажигалка!

Цадик вернулся к холодильнику, взял зажигалку и передал ей. Лора хлопнула его по загорелой бронзовой груди взбешено теперь ладонью:

– Вот и гордись собой, – ушла.

ЧТО НАМ МЕШАЕТ ЖИТЬ

Цадик не хотел теперь всего помнить и понимать, жизнь была совершенно иной, вернее, она была именно той, которая нечто совершенно иное, и на отдыхе что-то терялось, терялась канва повседневности, и приходилось себе выдумывать новую жизнь!

Вот Цадик этим и занимался, он вставал и шёл на море, без мыслей и размышлений. Ведь он так этого желал, он желал моря, и каждый раз море оправдывало его ожидания, потому как оно будто забирало все ненужное, все старое и отжившее, отжившие чувства, отсохшую кожу, отсыревшее нутро! Море обновляло каждый раз, и Цадик осознал вдруг, – «можно все забыть, гнёт не свершившегося, не состоявшегося, планы и иллюзии, можно все забыть!»

И более того, это забывание такое сладостное, такое приятное и легкое! «Можно изжить память», – теперь думал Цадик, – «ведь человек намеренно мнит и помнит о том, что ему безразлично давно! Человек зачем-то упорно мнит и помнит, прокручивает эту память как бельё в стиральной машине, будто она ему придаёт какой-то особенный вес, будто она как-то способна его защитить, только от кого? Выходит, человек защищается от самого себя большую часть жизни, от того, чего по большому счету не существует, и боится последствий этой войны за себя, который ускользает куда-то, оставляя память ни с чем в итоге!»

И Цадик решил этим не заниматься хотя бы здесь на море! Но даже это было непросто. Цадик взял пару книг, но притронулся только к Лескову. Он пробовал читать роман «На ножах», где Ничепоренко, заезжий иностранец, со странной фамилией; Цадика радовал Лесков, у которого иностранцы превращались в русских, русские трогали своей матёрой деревенщиной, и все это не понять, к чему, и все это «другая Чеховщина». Цадик пробовал читать Чехова также, но он ему показался крайне циничным и злым, с каким-то упорным недовольством по поводу человека в принципе и его природы! Больше всего Цадика, угнетал, конечно же, Достоевский, собственно этот формат страдальческой униженной души! Души как размышления о пороке человеческой природы, об отпадении, о грехе и страстях, и все это монотонно и долго! Цадик в молодости прочёл Достоевского, наверное, чтобы потом при случае опять можно было вспомнить об этом, но ведь он же был русским, и неприлично русскому не читать русских классиков, считал Цадик! Классиков необходимо читать и постигать, даже если ты их не разделяешь, это история! Цадик теперь считал, что Достоевский и вывел это понятие души из размышления, а что на самом деле это такое никто и не подозревал! «Допустим, и не было никакой души», – размышлял Цадик, – «но появился Фёдор Михайлович, и обозначил эту душу вот такой изнурительной рефлексией не сбывшегося опыта. А то, что сбывалось, то забывалось и по новой страдания. Ну, ведь надо быть кретином, чтобы обо всем помнить! И зачем?» Цадик этого не понимал! Ибо одно из другого не следовало, а страдания надуманные всегда где-то рядом, стоит задуматься, и голова шла кругом сразу!

И это наследие его угнетало! Ибо разве для этого нам дана память? Цадик считал, память дана не для этого, память можно сконструировать, если на то пошло...

И таким образом, Цадик желал освобождения, он плавал, загорал, и рефлексировал одну телесность, он распластанный прогревал нутро и конечности на камнях и находил в этом какой-то сверх промысл. Ибо вот есть море, Солнце, а остальное выдумал человек, машины, компьютер, цивилизацию, деньги, душу и дьявола! Все выдумал человек, чтобы придать себе значимость, набить себе цену, заполнить память! А зачем ее заполнять? Размышлял Цадик, память нужно освобождать! Ведь это немислимое бремя, все это помнить, раз от разу осмыслять, это каждодневное бытие! И Цадик вывалился в другую реальность, в которой была Мари, совершенно непостижимая, в которой была Лора, такая по-детски наивная и однозначная. Лора ходила как цапля, просто потому что умела ходить, передвигать длинные худые ноги, будто по линейке. Цадик же передвигался как тигр, он с кошачьей какой-то звериной осторожно-

стью мог преодолевать огромные расстояния, и порой не запыхавшись! Само пространство деформировалось от его присутствия, а море, нет, оказавшись в море, Цадик будто обретал свободу от назойливой суши. И здесь норовил куда-то плыть, он и здесь себя осаждал постоянно, саднило плечо, нет, Цадика подмывало уплыть подальше! Но он заворачивал к берегу, чтобы выползти на камни и вновь впитывать Солнечное тепло! Порой он просто как безвольное, ослабевшее тело мотылялся в прибрежном прибое, перекачивался подталкиваемый волнами, волны его выпихивали на берег, потом опять стягивали в море, и Цадик лишь подкладывал ладонь под щеку, чтобы не скрести лицом о каменную гальку! Так он мог часами валяться на берегу, какие-то туристы пили пиво также у воды, девушка сидела в шляпке, ровно настолько, чтобы волны не могли ее достать и стащить в воду, слушала музыку в гарнитуре!

Цадик, так проводил время до обеда, все же Солнце становилось невыносимым ближе к 13.00 часам, и дальнейшее загорание не сулило особенной пользы! Цадик старался уйти до 14.00 с Мысхаку! Цадик пробирался с повязанной на голове майкой, выходил на тенистую дорогу, спасаясь от знойного духана, и возвращался в пансионат! По дороге, бывало, заходил в армянскую столовую, где брал крошку, либо брал бутылочку Хадыженского в придорожном ларьке. Юлия, продавщица, издали завидев Цадика, уже улыбалась ему, и спрашивала:

– Ну, что Хадыжа?

И Цадик брал себе Хадыжа, и с наслаждением попивал пока шёл до пансионата, допивал его уже сидя в беседке. Людей практически не было заметно, все как-то тихо хоронились по номерам, или же были на пляже, шумели только собаки и то глубокой ночью, наленившись и належавшись днём, собаки начинали ночью активную жизнь, и лай их мог разноситься по округе до двух-трёх часов ночи.

И в день отъезда Лоры, Цадик ровно также с утра отправился на пляж поплавать. Единственное, он проснулся и оправился от выпитого на кануне ближе к десяти утра! У него в номере притаился у порога арбуз в чёрном пакете, не разрезанный, который он купил на рынке, когда ездил в Новороссийск за провизией, столовые Цадик не очень-то жаловал, любил сам себе готовить неприхотливую еду, в основном это были овощные салаты.

И вот он наткнулся на Лору в коридоре в обеденный час, которая его даже не заметила будто. Она спустилась на кухню и села, чтобы покурить. Цадик это не понравилось, и он спустился на кухню, подошёл к ней, и легонько поцеловал в губы:

– Все хорошо? – спросил он Лору.

– Как мне хреново, – простонала Лора, но геометрия ее будто совершенно не нарушилась!

Такая же холодная и выдержанная, и едва можно было уловить, что с ней, она смотрела на Цадика зеленоватыми глазами сквозь пряди сигаретного дыма. И в этом бутылочного цвета стекле не было ни сожаления, ни упрёка, ни ехидны. Просто констатация, Цадика же море освежило, он подумал, и зачем привлекать внимание чьё-нибудь, часы здесь текут замедленно, такая идиллически романическая замедленная съёмка! Тут один режиссёр, собственно, это он сам, и его психическое, а психического накопилось много. На Лору же не было затрат психических, её схема работала сама по себе, Мари была на работе, Цадик все же думал к ней навещать завтра. Цадик хотел проводить Лору, но Лора сказала, что ее не требуется провожать, телефон она ему свой не дала.

И все же Цадик после обеда заглянул к ней в номер, он разрезал арбуз, и съел сразу половину, отрезал огромный медальон из середины арбуза, и отнёс Лоре и ее детям попробовать! Цадик также оставил ей свою визитку на всякий случай.

Это слегка ее тронуло, и она заглянула к нему в номер, такая же бесстрастная и не прошибаемая. Она прочла информацию на визитке и заинтересовалась некоторыми работами, пришла, чтобы осведомиться у Цадика.

Цадик ей рассказал, как исчисляется порядок цен на работы и что, скорее всего, ей проще будет найти фирму у неё в городе, чем именно с этим обращаться к нему. Лора с интересом

слушала Цадика, она была удивлена, книги и музыка, а тут список работ всевозможных, Цадик сразу вырос в ее глазах. Хотя он и не отказался вовсе, просто Цадик наверняка знал, что у них это будет дешевле; а ехать по работе к ней за триста километров, его совершенно не вдохновляло!

Цадик пытался даже как-то пригласить ее в гости провести время, говорил, что может приехать в Троицк. Однако Лора отвечала:

– Времени нет на это, и что в Троицке совершенно ему нечего делать!

Как она могла это знать заранее, Цадик не понимал, Лора была совершенно без воображения, она не мыслила какими-то развлечениями или прогулками! Вообще, было непонятно, чем она мыслила, категориями работы и графика. И Цадик совершенно точно определил, что с ума от неё сойдёт, если останется с ней больше, чем на три дня. Хотя он считал себя интересным, мог многое рассказать, и сыграть, Лора слушала русский рок, Арию и проч., другая музыка ей была непонятна.

Цадику было печально, но это плата за развитие, ибо чтобы развиваться, нужна свобода, нужны деньги и время, а этого у Лоры не было. Она знала минимум, который ей уготовила жизнь, и довольствовалась им. Цадика это не удивило, он знал, зачем он там находился. Примерный контингент туристов можно было вывести, все же это был эконом класс. Откуда было ждать большего? Больше, это была Марионель! Это действительно было чудом, другая культура, другой мир, а Лора, будто осколок какого-то остаточного бытия по Достоевскому, с детским недоразумением на лице, либо тяжбой всего мира, минимум движения, максимум бесстрастия, и гордая отрешенность.

Лора сказала Цадику, что он обязательно встретит девушку своей мечты, да, она была уверена, но через два года! Откуда она могла это вывести, это было сверх загадкой, или действительно у него было все написано на лице, бог его знает. Участие Лоры его не напрягало, удивляло слегка, и, тем более что Цадик, уже отказался что-либо понимать в своей жизни, пусть поймут другие теперь, а он совершенно устал и выбился из сил, как загнанный зверь с горячим сердцем, где есть, чем поживиться.

* * *

Цадик проводил все же Лору, они с чемоданами на дороге ждали маршрутку рядом с входом в отель, который сдавался постояльцам армянами.

Цадик с гармохой, чтобы не свербило нутро, так бодро к ним подошёл, наигрывая свои магические партии, веселый и непринуждённый, и наткнулся на какую-то стену из тел и лиц.

Лора стояла в стороне тросточкой, будто посторонняя, ее мать престарелая уже женщина с седыми прядями волос на голове, с внимательными глазами, сидела на чемоданах. Даша, крупнее матери в свои тринадцать, старшая дочь, теперь пылливо смотрела на Цадика, с любопытством, и мальчик шести лет, сын неутомонно шнырял вокруг них, и потом забежал внутрь отеля.

Цадик хотел подойти к Лоре, может быть, обнять ее, но весь вид ее насулено настороженный, и нужно было преодолевать эти стены, а Цадик не хотел ничего преодолевать. Он устал преодолевать эти немые стены, и потом Дима, заткнул уши от его гармоникки, и убежал в открытые двери отеля. Цадик лишь сказал всем на прощание:

– Счастливого пути! – развернулся на упругих ногах, и будто сбросив груз с плеч, перевёл дух, и попер в сторону Юлии, которая торговала в павильоне через дорогу, заложил несколько музыкальных пассагов. Юлия, с широкой, как блюдце своей улыбкой, крупная дородная женщина, уже заприметила эту сцену издали, встречала Цадика вопросом:

– Ну, что проводил?

И Цадик, предваряя ответ, все также улыбаясь, махнул рукой в сторону:

– Проводил, – уже летел мимо.

Цадик старался не выпадать из ритма, и здесь жизнь текла по неумолимым законам, и время обозначало лишь какие-то незримые посылы, текло, не останавливаясь. Постояльцев значительно прибавилось, приехала Марионель. И другие, приехали молодые люди из Краснодара, и затарили холодильник бутылками вина, а за беседкой уже образовался целый отдельный лагерь, приезжие разбили палатки. Однако это совершенно не нарушало покоя, все передвигались будто во сне, неспешно и лениво, без препон и преломлений для окружающих. Марионель где-то работала в павильоне у моря, на общем пляже, и Цадик уже наметил себе это выяснить, но завтра. А пока лишь перебирал в памяти встречу с Анной. Это его знакомая из Новороссийска, к которой он успел навеститься до приезда Мари.

Цадик, появившись на вокзале в Анапе, именно ей первой позвонил, попросил ему переслать номера телефонов такси, чтобы добраться до автовокзала. Анна ему порекомендовала это место раньше, Цадик связался с ней ещё до отъезда, решал вопросы потом с проживанием. Анна его пригласила к себе, но с запозданием, Цадик к этому времени, уже договорился с Ольгой, забронировал себе место в пансионате, и это было лучше для него, как выяснилось! Эта дикая свобода, так бы он был привязан к чужому дому, у Анны было двое детей, ещё мать проживала с ними, и это было бы неудобно! Пляж был далеко, хотя это все были отговорки, Анна, когда-то в юности была влюблена в Цадика, они даже удрали из родного города, когда ей было семнадцать. Цадик увёз ее к знакомой тетке в Санкт-Петербург, но там они расстались после. Просто шутка эта была исчерпана, и Цадик ехал продолжать учебу, и собственно, Анна на тот момент была для него обузой. Они не сказать, что рассорились, но Анна нашла каких-то своих друзей в Санкт-Петербурге, а Цадик уехал на учебу.

Теперь же все было иначе, Анна уже взрослая, сильно изменившаяся, и напористая, все же относилась к нему с не показным уважением. Цадик мог поддержать, и был неплохим собеседником, она ещё в прошлый отпуск, когда он приезжал в Анапу с сыном, и потом они гостили у неё, рассказала ему о своей жизни, о замужестве. И Цадик осознал, как сильно она натерпелась от семейной жизни, и вот эти дрызги едва утихли в ее голове, они с матерью купили и обустроили квартиру. И дети уже выросли, Никите было шестнадцать, Агнессе четырнадцать. Агнесса потрясающе рисовала, и Анна видно радела за дочь, гордилась ею. Она сама вместе с Агнессой, которая окончила художественную школу в прошлом году, так вот Анна сама училась рисовать вместе с дочерью, они ездили в горы, неделями там рисовали, жили в палатках, «на чиле» любила она говорить. Никита был больше замкнут, такой возраст, мальчик, ничем серьёзно не увлекался, знал неплохо компьютер, и Анна его сразу направила на системное администрирование.

Когда приезжал Цадик в прошлый раз, он был на пределе, пандемия едва ли приостановилась, и Цадик подсуетился, чтобы съездить в отпуск в начале лета с сыном с Максимом, они остановились в Анапе в Испанском дворике. И потом Анна пригласила их в гости в Новороссийск, они прогулялись по набережной по приезду, Цадик не отказался поплавать, и потом остановились у Анны на пару дней. Вечером Цадик ходил на море с Анной, и она поведала ему о своих несчастьях. Цадик не поддерживал с ней связи со времен юности, знал, что она дружила с Натаном, их общим знакомым, и потом вышла замуж за одного кришнаита, Цадик едва знал ее мужа, Юрия, они встречались, может, пару раз на тусовках общих знакомых. И таким образом, Анна выпала из его жизни надолго, почти на двадцать лет. И теперь вот обстоятельства жизненные и некоторая свобода их на время сблизили.

Они сидели на камнях у моря, пили пиво, была южная ночь, шныряли крысы тут и сям, стояли суда в порту, и Анна изливала Цадикку свою жизнь.

И Цадик понял, что идиллические религиозные концепции не работают и тут, и цена этих идиллий может быть несоизмеримо высока. Анна попробовала пожить с Юрием вне цивилизации, и это оказался плачевный опыт, хотя у них было своё общее верование Кришнаизм,

все же жизнь неумолимо скатилась в жерло борьбы и психической агонии. Они жили в доме без удобств, жили скудно, за водой приходилось ходить, домашних паразитов выводить, и детей лечить. Юрий запил вскоре, его идеи не оправдали себя, он хотел ещё добывать сам энергию, поставить свой мини реактор на Солнечных элементах питания. Но в итоге они голодали, денег едва хватало прокормиться. И Анна изводилась с двумя детьми, Юрий же пил и рукоприкладствовал порой, так они прожили семь лет и потом решили разъехаться. Продать дом и разъехаться. И Анна подалась в Новороссийск, к матери, и по сей день там теперь проживала, вспоминая эту семейную жизнь свою как кошмарный сон.

Цадик поведал ей о себе и последних трёх годах жизни, о купленной по программе переселения квартире родителям, о сложных годах, которые отняли у него мать, скончавшуюся от рака за полгода, и часть его здоровья. Поведал о жестоком, самодурном отце, об их нескончаемом конфликте, также о неудачной женитьбе, и в целом, похвастаться Цадику было нечем! Да, он работал, кажется, все делал правильно, но почему-то оказался не в удел всем. С семьей бывшей Цадик поддерживал неплохие отношения, но этот груз ещё своей семьи оказался вынужденным, и совершенно не нужным. Ибо Здоровье его моральное и физическое сильно пошатнулось. Цадик теперь пребывал в химере своего нового рождения.

Однако в этот раз, Цадик не желал выкапывать это старое бытие, он был захвачен своим планом, да, Цадик был захвачен планом реконструкции памяти!

Анна ничего не подозревала об этом, конечно же, она пригласила его также в гости, и Цадик приехал к ней на денёк, они съездили на пляж в Алексино, там Цадик доселе не бывал. По дороге зашли в супермаркет, Цадик раскошелился на курочку гриль и ром Барристер, таким образом, они решили устроить небольшой пикничок на берегу моря.

Пляж в Алексино гудел как улей людьми, был сезон, и весь пляж был усеян в основном местными и отдыхающими, и коса пляжа, врезавшаяся в море, была живым термитником.

И как только они нашли свободный навес, то и решили остановиться, чуть поодаль моря расстелили покрывало и разложили еду. Для начала, конечно, выпили, и Анна была после болезни, она простыла как раз в день приезда Цадика, и вот почти спустя неделю, они только встретились. Цадик уже успел прожить целую жизнь в пансионате. Успел познакомиться с Лорой, но с Мари ему только предстояла ещё встреча. События вихреобразно наслаивались, и Цадик лишь выбирал вариант, более подходящий ему в этот раз.

С Анной они разговорились, и Анна осанистая как индюшка сидела напротив Цадика, словно брахман, подложив под себя ноги в позе лотоса. Ее лицо горело, рыжие волосы, крупные черты лица, такая огненная как апельсин, в очках. Анну волновали дети, теперь ее жизнь неотвязно была связана с детьми, процесс воспитания и взросления. Цадик был на своей уютической волне, единственно поделился с Анной на счёт замысла новой книги, но пока было лишь название, вернее, и название было ещё не определено. Анну восхищал Цадик, своей непогрешимой отстранённостью року, хотя вся его жизнь походила на какой-то невообразимый кошмар. И Анна давала ему понять, что здесь хорошо, Новороссийск со своим характером и перспективами город, и она ему рада. Рада этому городу, этой новой своей жизни, и рада Цадику. Но Цадика угнетало это постоянство! Он знал, что вряд ли сможет так жить, размеренно и без риска, он просто не представлял это, в душе его не осталось прежних каких-то чувств, и тогда в молодости это был просто какой-то студенческий шарм не более, подцепить девчонку со школьной скамьи. И так происходило каждые его каникулы, теперь же эта чужая жизнь ему совсем не подходила, жизнь Анны не цепляла его. «Примерно такая жизнь у моей бывшей жены», – размышлял Цадик, «но её я до сих пор ещё порой хочу, а Анну, нет». Цадик точно знал, что для совместной жизни нужно хотеть человека, да, любовь это совершенно другое чувство, но должно быть желание хотя бы, если есть желание, это уже половина дела. Именно стойкое желание, Цадик был разборчив, и все же он укололся так с Лорой впоследствии, потому как желание было у Лоры, как выяснилось, а не у Цадика. И с Анной была

такая же картина, это она его желала, все ещё желала. Но Цадик давно остыл к ней, и даже в чем-то разочаровался, хотя он не пытался судить кого-то, но в Анне он видел лишь подругу из школьного прошлого!

Но это совершенно не мешало им общаться, Анне, к примеру, нравилась квантовая физика, и она даже говорила, Цадику, что с удовольствием бы занялась научной работой в этой сфере. Ей было это интересно, Цадик кое-чем интересовался также, ему в целом нравилась наука, происхождение вселенной в частности, он знал, какие-то базовые вещи, и то, что преподносилось в научных телепередачах, муссировалась теория относительности Эйнштейна. И собственно, новые веяния Цадик также улавливал, теория струн или инфляционная теория. Что касается последней теории, она давала широкое поле человеческой мысли. И Цадик кое-какие выводы делал многообещающие, все же человеку надоест в итоге копаться в собственном дерьме, и он поднимет голову к звездам, к другим мирам, захочет знать, прежде всего, и творить. Предпочтёт созидание борьбе за существование и каждодневной агонии.

Цадик с Анной неплохо отдохнули, и даже искупались, и, однако, Алексину было не сравнить с Мысхаку, вода была в разы грязнее. Цадик отплыл далеко от берега в итоге, и оказался среди катамаранов, впереди он увидел остров, и у проплывавших мимо ребят поинтересовался, насколько он далеко, и что из себя представляет. Это была гряда или часть косы, до неё было около километра и Цадик, смерив расстояние до берега и Острова, находился где-то посередине. И он решил доплыть до него. И вот, вытянувшись в струну, он тут же превратился в машину, преодолевая расстояние, Цадик не спешил, равномерные движения его продвигали к цели. И довольно скоро он приблизился к этому участку не затопленной суши. Цадик осторожно выбрался на берег, усыпанный иссохшими водорослями, где-то лежали трупы чаек, и рыбное зловоние распространялось в воздухе. Цадик ощутил кожей этот затхлый запах рыбы и водорослей, живые птицы, располагавшиеся на небольшой этой отмели, завидев людей, а вслед за Цадиком к острову причалил катамаран с семейкой, вспорхнули и перелетели на небольшой гребень суши поодаль. Цадик теперь как ихтиандр бродил по каменистому берегу, по странному и страшному месту, ракушки хрустели под его ногами, он обнаружил металлические конструкции, похоже, брошенные людьми, это был какой-то груз, возможно, собирались что-то построить здесь люди, но бросили! Место это зловонное и какое-то кошмарное, теперь Цадик осознал, что это могильник, птицы сюда прилетают умирать, возможно, это было и на так вовсе, однако идиллический романтизм у него как рукой сняло. «Какого черта я сюда приплыл?» – вдруг он задал себе этот вопрос. И Цадик, осмотревшись, все же заметил панораму пейзажа, по правую сторону был город и завод, железные контейнеры громоздились на берегу, и в противоположной стороне высился горный хребет, покрытый лесом, было живописно. И дым, будто испарений висел над водой и дальше туман над лесом ближе к небу, «скоро стемнеет уже», – подумал Цадик, «нужно возвращаться, Анна на берегу уже беспокоится, наверное».

И Цадик поспешил назад, он снова превратился в машину, плыл долго, и потом, перевернувшись на спину, продолжил, будто крейсер набрал скорость и прорезал гладь воды, катамаран с людьми остался далеко за спиной. Цадик практически не ощущал боли в плече, выпивка, которую он употребил на берегу, уже улетучилась, его организм равномерно работал, Цадик в который раз, подумал, что ведь это так просто «быть». Столько чувств он испытал от одного этого маленького заплыва, и вот спешил к берегу теперь, все же он промахнулся и взял правее больше, чем нужно на четверть мили. Цадик решил сократить дистанцию, тем более расстояние было нешуточное, и он промазал, но радовался себе, этот задор его самому себе, даже здесь и сейчас, Цадик думал, – «вот Черт неугомонный, уплыл невесть куда». И все же он не стал подправлять маршрут, берег был уже неподалёку в двухстах метрах даже меньше, и Цадик лишь дал скутеру помчаться перед его носом, и потом уже наверняка напрямик устремился к берегу.

Он вышел из воды, и по каменной дороге добирался до их навесов, встретил парня с катамарана, который попался ему в море, и тот с восхищением спросил его:

– Уже сплавали? Вы пловец? Не из местных?

– Нет, не из местных, но плавать люблю, – ответил ему Цадик.

– Круто плаваете...

Цадик все же поспешил к Анне, а она как выяснилось, спала в этот раз. Цадик глянул на часы, и был поражён, купаться они выдвинулись около пятнадцати часов, а время было только полпятого. Цадик за полтора часа проплыл около четырёх миль, вернулся назад, выходит, он спешил напрасно. Все же, он слегка устал, и сел передохнуть, он позвал Анну, но она мерно храпела, Цадик не стал ее будить, прилёг отдохнуть также, но уснуть не смог...

Выпил немного джина, сходил за мороженым. Анна проснулась ближе к девятнадцати часам вечера, ее вырубил, организм восстанавливался после болезни. Вскоре они собрались и ушли с Алексино.

ПАМЯТЬ

Память всеобъемлюща, и человек барахтается как насекомое в общей памяти человечества не в силах выбраться, будто в липкой паутине. И также личная память, которая вплетается во все поворотные события жизни, и потом нет времени, это все расхлебать до конца, претворить во что-то целостное и осознать. Это личное эго прорастает под кожу, въедается во внутренности, поэтому, когда Цадик познакомился с Мари, ассоциативная память сразу навела мосты, даже с первой его любовью, Марией, хотя между ними не было и йоты сходства. Но Цадик уже считал это знакомство подарком свыше, и ведь перед отъездом последний денежный заказ, клиентка тоже была Мари. Цадик в юности был совершенно не суеверным, однако в свете последних нескольких лет стал набожным и даже чересчур беспокойным. Нервы его были расшатаны многолетней неусыпной войной с сетевыми клонами, и потом с конкурентами, в итоге, ещё с больным отцом, поэтому храмы стали неотъемлемой частью его жизни.

Но на Мысхаку не было храмов, было море, и была Мари. И лёгкая дружба их началась с мороженого.

Цадик добирался до общего пляжа, до придорожной стены и палаток, обычно покупал мороженое для Мари, каждый раз подыскивая ей что-нибудь новенькое. Он с каким-то предвосхищением брёл по дороге, наигрывая какие-нибудь пассы на гармонике, и уже думал о том, как Мари примет вновь его скромное подношение, улыбнётся, сверкнув белыми зубами, и даже перекрестится. Мари была скромна, и здесь была вынуждена работать, в то время, как Цадик был совершенно расслаблен. Так и во второй день знакомства Цадик все же решил исследовать окрестности пляжа, на котором до этого не появлялся, прогуляться вдоль бухты. Поэтому, он пролетел мимо павильонов, едва приметив Мари, в ее неприхотливой обстановке возле зеркала, лишь кивнув ей невзначай. Цадик теперь маневрировал, он, будто обозначал своё присутствие и исчезал на время, так он вышел на тротуар у шоссе, и направился вдоль торговых палаток, магазинов и закусочных. Теперь его интересовал весь этот торговый сервис, хотя ценник и был запредельный на все, в том числе на вино, по тысяче за бутылку местного разлива, Цадика это не удивило. Креветки, к примеру, стоили от 170 до 340 рублей за сто грамм. Цадик прошёл до конца гостиничного туристического прибрежного комплекса, с дороги он наблюдал сам пляж, и спектр нехитрых развлечений, катамараны, надувные таблетки и банан, которые скутер таскал по воде на верёвке. Бары и закусочные соседствовали с дорогой, а через дорогу возвышался горный лесной массив, на котором располагались отели, ещё бары и рестораны. Цадик добрался до поворота в город и повернул назад, однако это была не вся Широкая балка, дальше вдоль побережья также была около курортная жизнь. И на обратном пути он зашёл в один из магазинов, чтобы купить по мороженому себе и Мари.

И вот немного фривольно и осанисто Цадик уже летел с мороженым к Мари, которая, кстати, болтала по айфону без умолку. Однако в этот раз он ее подловил вовремя, завернул к ней, предложил мороженое, и опять Мари расплылась в благодарной улыбке. И Цадик решил исследовать неброский торговый павильон, в котором продавались тату, сувениры, шляпки, нехитрая бижутерия, игрушки и даже цветные косы. Мари заплетала косички девочкам, на африканский манер, однако клиентов в тот день не было, и она скучала. Цадик проворно сунул свой нос всюду, пока Мари уплетала мороженое, и по-русски Мари говорила с огрехами, поэтому он не выспрашивал у неё много, а больше наблюдал. Мари была в длинном цветном балахоне свободном до пят по типу широченных штанов, также с подобранными в хвост мелкими вьющимися косами, с плотными руками и округлыми плечами, массивными бёдрами. Цадик любовался ее тяжеловесной грации, он будто попадал в поле ее магнетизма, из которого не хотелось выпадать. И потом он отходил к краю бетонной стены, за которой разворачивался пляж, и которая служила естественным кордоном, бывало, садился на этот широ-

кий бетонный уступ сверху, и оставался с нею до конца смены. Цадик обычно приходил к ней вечером, чтобы потом забрать ее и проводить в пансионат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.